

«ШОГУН» — ЭТО И ВЭРОН СТОКЕР И СТИВЕН КИНГ,
И МАЙКЛ КРАЙТОН, НО — ВМЕСТЕ ВЗЯТЫЕ!
НЕЛЬСОН ДЕМИЛЛ

Гильермо дель Торо · Чак Хоган

ШОГУН

Книга 2. ЗАКАТ

18+

Гильермо дель Торо
Чак Хоган
Штамм. Закат
Серия «Штамм», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9990704

Гильермо дель Торо, Чак Хоган. *Закат*: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10153-1

Аннотация

Смертельный вирус vampirizma, вырвавшийся на волю в Нью-Йорке, стремительно распространяется по стране. Если эпидемию не обуздать, вскоре погибнет весь мир. В этом хаосе команда бесстрашных людей бросает вызов кровожадному вдохновителю разразившегося безумия. И хотя они опасаются, что их сопротивление слишком ничтожно и запоздало, все же остается слабый проблеск надежды...

Гильермо дель Торо, талантливый кинорежиссер, лауреат премии «Оскар», и Чак Хоган, лауреат премии Дэшила Хэммета, объединили свои усилия для дерзкого обновления вампирской темы. Премьера американского телесериала по трилогии «Штамм» состоялась в июле 2014 года.

Содержание

Отрывок из дневника Эфраима Гудвезера	5
Серые небеса[1]	6
«Лавка древностей и ломбард Никербокера», Восточная Сто восемнадцатая улица, Испанский Гарлем	6
Ночная стража	21
Владыка. Часть первая	23
Место взрыва	25
Блог Фета	31
Округ Фэрфилд, штат Коннектикут	32
Перл-стрит	35
Назарет, Пенсильвания	42
Межрайонная скоростная транспортная система. Внутренняя платформа станции «Саут-Ферри»	48
Междугородный автобус	52
Первая интерлюдия	56
Дует холодный ветер[12]	62
«Лавка древностей и ломбард Никербокера», Восточная Сто восемнадцатая улица, Испанский Гарлем	62
Бруклин	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гильермо дель Торо, Чак Хоган

Штамм. Закат

А эта книга – Лоренсе, со всей моей любовью
ГДТ

Моим четырем любимейшим созданиям
ЧХ

Guillermo Del Toro, Chuck Hogan

THE FALL

Copyright © Guillermo Del Toro, Chuck Hogan, 2010

All rights reserved

Published by arrangement with HarperCollins Publishers

© В. Бабенко, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Кровь и апокалипсис смешались в жуткой истории, которая воспринимается так, будто сорвана со страниц сегодняшних газет. Живо написанный и беспощадно усиливающий напряжение «Штамм» завораживает и ужасает. Мне не терпится узнать, куда заведут нас дель Торо и Хоган в следующий раз.

Джеймс Роллинс

Книга, от которой невозможно оторваться. История, которую невозможно забыть. Не могу дождаться, когда выйдет продолжение. Великолепный образец ухода от действительности. Почти безупречный роман ужасов.

News of the World

Увлекательно и мастерски сработано.

Guardian

Отрывок из дневника Эфраима Гудвезера

Пятница, 26 ноября

Конец света наступил за какие-то шестьдесят дней. И мы были там, чтобы ответить за это, – ответить за наши промахи, за наше высокомерие...

К тому времени, когда Конгресс наконец занялся кризисом, проанализировал его и принял соответствующие законы (в конечном итоге на них наложили вето), мы уже проиграли. Ночь целиком и полностью принадлежала ИМ.

А мы погрузились во тьму, страстно жаждая света, на который уже не имели никаких прав...

И все это – спустя считанные дни после того, как мир познакомился с нашим «неоспоримым видеодоказательством». Истина, открытая нами, потонула в тысячах издевательских опровержений и пародий: нас «заютюбили» так, что не осталось уже и проблеска надежды.

Наше предупреждение – «Пришла Ночь» – стало любимым каламбуром телешоу «Поздней ночью с Конаном О'Брайеном»: ох, мол, какие же мы всезнайки, какие мы умники, ха-ха-ха, – и тут действительно упали сумерки, и перед нами распахнулась беспредельная и беспредельно равнодушная бездна.

Первая реакция публики на любую эпидемию – всегда Отрицание.

Вторая реакция – Поиск Виновных.

На свет божий извлекли все известные пугала, чтобы отвлечь внимание: экономические проблемы, общественное недовольство, поиск расовых козлов отпущения, угрозы террористов.

А в конечном итоге пугалами-то были мы сами, и никто другой. Мы – все. Мы позволили этому случиться, потому что никогда не верили, будто подобное возможно. Мы были слишком умны. Слишком развиты. Слишком сильны.

И вот теперь – полная тьма.

Нет больше никаких данностей, никаких естественных человеческих потребностей, никаких абсолютов – нет ни малейшей основы для нашего дальнейшего существования. Главные принципы человеческой биологии переписаны, – переписаны не кодом ДНК, а кровью и вирусами.

Паразиты и демоны кишат повсюду. Наше будущее теперь – не естественное разложение органического вещества, именуемое смертью, а сложное дьявольское преобразование. Заражение паразитами. Становление чем-то другим.

ОНИ отняли наших соседей, наших друзей, наши семьи. ОНИ носят теперь наши лица, лица наших знакомых, наших близких.

Нас выставили за двери наших домов. Изгнали из нашего собственного царства, и мы бродим по задворкам в поисках чуда. Мы, выжившие, обескровлены, хотя и не в буквальном смысле. Мы сломлены. Мы потерпели поражение.

Но мы не обращены. Мы – не ОНИ.

Пока еще – не ОНИ.

Эти записки – не отчет и не хроника событий. Скорее, это стенания, поэзия ископаемых, воспоминания о том, как эпохе цивилизации пришел конец.

Динозавры почти не оставили после себя следов. Лишь несколько косточек, сохранившихся в янтаре, содержимое желудков, выделения динозавровых организмов.

Я только и надеюсь, что мы оставим после себя чуть больше, чем оставили они.

Серые небеса¹

«Лавка древностей и ломбард Никербокера», Восточная Сто восемнадцатая улица, Испанский Гарлем

Четверг, 4 ноября

Зеркала – мастера на плохие новости», – думал Авраам Сетракян, стоя под зеленоватой лампой дневного света, укрепленной на стене ванной комнаты.

Старый человек разглядывал себя в еще более старое стекло. Края зеркала потемнели от времени, порча наползала уже на центральную часть. На его отражение. На него самого.

«Ты скоро умрешь».

Зеркало с серебряной амальгамой говорило ему именно это. Много раз Сетракян оказывался на волосок от смерти – бывало и похуже, – но этот случай отличался от всех прочих. В своем отражении старик видел неотвратимость кончины. И все же Авраам находил утешение в искренности старых зеркал, честных и чистых. Это зеркало, например, являло собой замечательный образец начала XX века. Довольно тяжелое, оно держалось на многожильном проводе, прикрепленном к старой керамической плитке, и располагалось наклонно: верхняя часть слегка отходила от стены. В жилище Сетракяна хранилось около восьмидесяти зеркал с серебряной амальгамой: они свисали со стен, стояли на полу или грудились у книжных полок. Авраам коллекционировал их с маниакальным пристрастием. Как люди, прошедшие через пустыню, знают цену воде, так и Сетракян полагал невозможным удержаться от покупки зеркала с серебряной амальгамой, особенно маленького, карманного.

Более того, он всецело доверялся одному из свойств этих зеркал, самому-самому древнему.

Вопреки расхожим представлениям, вампиры со всей отчетливостью отражаются в зеркалах. Если говорить о зеркалах современных, производимых в массовых количествах, то изображение этих кошмарных тварей, распыряемых вирусом, ничем не отличается от вида, в каком вампиры предстают обычному взору. А вот зеркала с серебряной амальгамой отражают их искаженно. Благодаря определенным физическим свойствам серебра вампиры отображаются с некоей зрительной интерференцией – словно бы зеркало предупреждает нас. Подобно зеркальцу из сказки о Белоснежке, зеркало с серебряной амальгамой не умеет лгать.

Сетракян смотрел на свое отражение. Зеркало висело в проеме между массивной фарфоровой раковиной и столиком, на котором стояли его порошки и бальзамы, средства от артрита, ванночка с жидкой подогреваемой мазью для облегчения боли в шишковатых суставах. Сетракян изучал свое отражение.

А в ответ на Сетракяна глядело увядание. Подтверждение того, что его тело – не что иное, как... просто тело. Старееющее. Слабеющее. Ветшающее. Распадающееся до такой сте-

¹ «Серые небеса» («Gray Skies») – название песни хард-метал-группы «Upheaval of an Exorcist» («Бунт экзорциста»). О символичности выбора песни говорят, например, первые ее строки: «Сжигаем мосты, это не дает нам спать. Когда же конец? Они все больны...» – да и последние тоже: «Сражайтесь за землю обетованную, так говорили нам. Но сражаемся-то мы за наш полный крах». Следует отметить, что заглавия всех частей книги – названия песен. (Здесь и далее прим. перев.)

пени, что Сетракян уже не знал, сумеет ли пережить корпоральную травму обращения. Не все жертвы переживают такое.

Его лицо... Глубокие морщины – как отпечаток пальца. Отпечаток большого пальца времени, четко оттиснутый на его внешности. За одну только прошедшую ночь он постарел лет на двадцать. Глаза – маленькие и сухие – отдавали желтизной слоновой кости. Даже бледность исчезла, а волосы лежали на черепе как жидкая серебряная травка, прибитая недавней бурей.

Тук-тук-тук...

Он услышал зов той самой смерти. Стук той самой трости. Стук собственного сердца...

Сетракян посмотрел на свои изуродованные кисти. Лишь чистым волевым усилием он вылепил из них руки, годные, чтобы обхватывать рукоятку серебряного меча и управиться с ним, – однако ни на что другое гибкости и сноровки уже не хватало.

Битва с Владыкой невероятно истощила его. Владыка был намного сильнее, чем тот вампир, каким Авраам его помнил. Намного сильнее даже, чем Авраам мог предположить. Сетракяну еще предстояло обдумать теорию, зародившуюся у него, после того как Владыка выжил в прямых солнечных лучах – свет лишь ослабил его и обуглил кожу, но не уничтожил. Губительные для вируса ультрафиолетовые лучи должны были пронзить Владыку тысячами серебряных мечей, и все же чудовищная Тварь выстояла и спаслась бегством.

В конце концов, что такое жизнь, если не цепочка маленьких побед и крупных поражений? И что еще остается делать? Сдаваться?

Сетракян не сдавался никогда.

Задний ум – вот все, чем он сейчас располагал. Задним умом Сетракян был еще крепок. Ах, если бы только он сделал все по-другому! Если бы только он начинил здание динамитом, узнав, что Владыка будет внутри! Если бы только Эф позволил ему, Сетракяну, испустить дух, вместо того чтобы спасти в критический момент...

Стоило ему лишь подумать об упущенных возможностях, как сердце снова ускорило ритм. Мерцающий ритм. Скачущий... Шаткий... Словно в нем сидел нетерпеливый ребенок, которому только бы бегать и бегать.

Тук-тук-тук...

Низкий гул стал заглушать биение сердца.

Сетракян хорошо знал, что это такое: прелюдия к забвению, к пробуждению в операционной. Если только в операционных еще кто-то работал...

Негнуцимся пальцем он выудил из коробочки белую таблетку. Нитроглицерин купировал приступ стенокардии – лекарство расслабляло стенки сосудов, которые несли кровь к его сердцу, отчего сосуды расширились и возрастал приток кислорода. Сетракян положил пилюлю под сухой язык.

Сразу же возникло ощущение сладкого покалывания. Через несколько минут гул в сердце утихнет.

Быстродействующая таблетка приободрила Сетракяна. Сомнения, угрызения, плач и скорбь – все это лишнее, пустой расход умственной энергии.

Вот он, здесь, пока еще живой. И Манхэттен, который принял и приютил Сетракяна, Манхэттен, растрескивающийся изнутри, взывает к нему.

Прошло уже несколько недель с того момента, как «Боинг-777» совершил посадку в аэропорту имени Джона Кеннеди. С того момента, как явился Владыка и разразилась эпидемия. Сетракяну все стало ясно наперед, едва лишь до него дошли первые вести о приземлении, – ясно так отчетливо, как иные внутренним чутьем постигают смерть любимого человека, слышав в неурочный час телефонный звонок.

Новость о мертвом самолете облетела весь город. Всего через несколько минут после благополучной посадки в «боинге» отключились все системы, и лайнер, темный и мрач-

ный, замер на рулежной дорожке. Люди из Центра по контролю и профилактике заболеваний вошли в самолет в защитных костюмах и обнаружили, что все пассажиры и члены экипажа мертвы. Мертвы все, за исключением четырех «выживших». Эти выжившие отнюдь не были здоровы, – наоборот, по воле Владыки синдром их заболевания лишь усилился. Сам Владыка прятался в гробу, помещенном в грузовой отсек самолета, – монстра доставили через океан с помощью богатого и влиятельного Эдрича Палмера, обреченного человека, который решил воспротивиться смерти и вместо нее вкусить вечной жизни, выторговав бессмертие за утрату человечеством контроля над собственной планетой. Инкубационный период длился всего день, после чего в мертвых пассажирах активировался вирус, трупы встали с секционных столов и вышли на улицы города, неся с собой чуму вампиризма.

Сетракян понимал, каков истинный размах чумы, но весь остальной мир отвергал чудовищную правду. Вскоре после того злосчастного события еще один самолет выключился сразу после посадки в лондонском аэропорту Хитроу, замерев без признаков жизни на рулежной дорожке по пути к трапу. Самолет «Эр Франс» прибыл в аэропорт Орли мертворожденным. То же произошло в токийском международном аэропорту Нарита. В мюнхенском международном аэропорту имени Франца Йозефа Штрауса. В известном на весь мир своими мерами безопасности аэропорту имени Бен-Гуриона в Тель-Авиве, где антитеррористическое подразделение спецназа взяло штурмом темный самолет на посадочной полосе, обнаружив лишь, что все сто шестнадцать пассажиров мертвы или ни на что не реагируют. И тем не менее никто не объявил тревогу, никто не отдал срочные приказы обыскать грузовые отсеки или уничтожить самолеты на месте. Все происходило слишком быстро, и бал правили дезинформация и неверие.

Так и шло. Мадрид. Пекин. Варшава. Москва. Бразилиа. Окленд. Осло. София. Стокгольм. Рейкьявик. Джакарта. Нью-Дели. Некоторые наиболее воинственные и параноидальные режимы поступили вполне правильно – немедленно объявили в аэропортах карантин и окружили мертвые самолеты войсками. И все же... Сетракян не мог отделаться от подозрения, что эти безжизненные самолеты – не столько попытка распространить инфекцию, сколько тактическая уловка, дымовая завеса. Лишь время покажет, прав ли он в своих подозрениях, но, честно говоря, этого времени, драгоценного времени, оставалось слишком мало.

Сейчас у изначальных стригоев – вампиров первого поколения, жертв рейса компании «Реджис эйрлайнс» и их близких – пошла вторая волна созревания. Они постепенно привыкали к новому окружению и новым телам. Они учились приспосабливаться, выживать и преуспевать в своем выживании. Вампиры наступали с приходом ночи – в новостях сообщалось о «беспорядках», охватывавших большие участки города, и это было отчасти правдой: грабители и мародеры бесчинствовали прямо среди бела дня, – однако никто из комментаторов почему-то не отмечал, что настоящего пика их активность достигала по ночам.

Насилие вспыхивало повсеместно, и инфраструктура страны начала разваливаться. Поставки продуктов питания были нарушены, товары поступали в торговые сети с перебоями. Все больше и больше людей исчезало без следа, а в результате доступная рабочая сила сокращалась, и вот уже некому стало восстанавливать энергоподачу при отключениях электричества и возвращать людям свет после вынужденных затемнений. Кривая реагирования полицейских и пожарных пошла вниз, а кривая самоуправства и поджогов – наоборот, вверх.

Пожары разгорались, грабежи не утихали.

Сетракян разглядывал свое лицо в зеркале, страстно желая хотя бы мельком увидеть молодого человека, таящегося в отражении. Может быть, даже мальчика. Он подумал о юном Закарии Гудвезере, который сейчас был с ним – там, дальше по коридору, в свободной спальне. И странное дело: ему, старику, находящемуся в конце жизненного пути, стало очень жаль этого мальчика, всего-то одиннадцати лет от роду, детство которого уже закончилось.

Мальчика, впавшего в чудовищную немилость. Мальчика, за которым охотилась немертвая тварь, занявшая тело его матери...

Сетракян неуверенной походкой прошел по своей спальне, минуя то место, где обычно одевался, и едва ли не ощупью нашел кресло. Опустившись в него, он прикрыл лицо рукой в надежде, что головокружение быстро пройдет.

Большое горе вселяет в человека ощущение полного одиночества; это чувство просто обволакивало Сетракяна. Он скорбел о своей жене Мириам, умершей много лет назад. Несколько сохранившихся фотографий давно вытеснили из памяти Сетракяна ее реальный облик. Он часто разглядывал снимки. У них было странное свойство: они словно бы вмораживали образ Мириам в давно ушедшее время, а вот истинную сущность ее нисколько не передавали. Мириам была любовью всей его жизни. Аврааму невероятно повезло; порой он лишь усилием воли заставлял себя вспоминать об этом. Он ухаживал за прекрасной женщиной, а потом женился на ней. Он видел красоту, и он видел зло. Авраам был свидетелем всего лучшего и всего худшего в прошедшем столетии и пережил все. Теперь он стал свидетелем конца.

Сетракян подумал о Келли, бывшей жене Эфраима, с которой встречался всего дважды: один раз в жизни и еще один – уже в смерти. Сетракян понимал боль Эфраима. И он понимал боль этого мира.

Снаружи послышались глухой удар и треск – в очередной раз столкнулись машины. Далекие выстрелы... Настойчивый вой автомобильных сирен и упорные трели охранной сигнализации, на которые никто не реагировал... Вопли, пронзавшие ночь, были последними криками рода человеческого. Грабители не только отбирали личные вещи и завладевали собственностью – они отбирали души. И не просто завладевали собственностью – они завладевали собственно людьми.

Руки Сетракяна бессильно упали на каталог, лежавший на маленьком приставном столике. Каталог «Сотбис». До аукциона оставалось всего несколько дней. Это не случайность. Ничто в происходящем не случайно – ни недавнее солнечное затмение, ни военные конфликты в заморских странах, ни экономический кризис. Мы падаем в строгом порядке, как костяшки домино...

Сетракян взял в руки каталог аукциона и нашел нужную страницу. На ней, без какой-либо сопровождающей иллюстрации, шел текст о древнем фолианте:

*Occido lumen*² (1667). Полное описание первого возвышения стригоев и доскональные опровержения всех доводов, высказываемых против их существования, переведенные покойным раввином Авигдором Леви. Частная коллекция. Украшенная рукопись, оригинальный переплет. Осмотр по договоренности. Ориентировочная цена 15–25 млн долларов.

Именно эта книга – сама книга, не факсимиле и не фотокопия, – была чрезвычайно важна, чтобы понять врага человечества – стригоев. И одолеть их.

В основе «Окцидо люмен» лежало собрание древних месопотамских глиняных табличек, впервые обнаруженных в 1508 году в одной из пещер горной системы Загрос. Таблички, чрезвычайно хрупкие, исписанные текстами на шумерском языке, покоились в кувшинах. Некий богатый торговец шелком купил эту коллекцию и повез таблички через всю Европу. Торговца обнаружили задушенным в его собственном доме во Флоренции, а склады, принадлежавшие ему, кто-то поджег. Таблички, однако, уцелели – они перешли во владение двух некромантов: знаменитого Джона Ди и куда менее известного адепта черной магии, оставшегося в истории как Джон Сайленс.

² *Occido lumen* (лат.) – низвергаю свет.

Ди был советником королевы Елизаветы I. Будучи не в силах расшифровать таблички, он хранил их в качестве магических предметов вплоть до 1608 года, когда, понуждаемый нищетой, продал таблички – при посредстве дочери Катерины – ученому раввину Авигдору Леви, обитавшему в старом гетто города Мец, что во французской Лотарингии. Несколько десятилетий раввин, во всеоружии своих уникальных способностей, скрупулезно расшифровывал таблички – пройдет почти три столетия, прежде чем кто-либо иной сможет расшифровать похожие письма, – и в конце концов преподнес манускрипт с результатами мучительных изысканий в дар королю Людовику XIV.

По получении текста король приказал немедленно бросить старого раввина в темницу, а таблички – уничтожить вместе со всей библиотекой ученого и его священными реликвиями. Таблички были разбиты в пыль, а манускрипт приговорен к заточению в склепе, где уже таилось немало запретных сокровищ. В 1671 году фаворитка Людовика XIV маркиза де Монтеспан, жадно охочая до всего оккультного, организовала тайное изъятие манускрипта из склепа, после чего он оставался в руках Катрин Ла Вуазен, повитухи, колдуньи и конфидентки маркизы, вплоть до изгнания де Монтеспан, последовавшего в связи с ее причастностью к истерии, поднятой вокруг дела об отравителях.

В 1823 году книга ненадолго всплыла на поверхность, объявившись во владении печально известного лондонского развратника и любителя словесности Уильяма Бекфорда. Манускрипт фигурировал среди книг библиотеки Фонтхиллского аббатства; это аббатство служило Бекфорду дворцом утех – там была собрана большая коллекция естественных и противоестественных диковин, запретных книг и шокирующих произведений искусства. Гигантское здание аббатства, выстроенное в неоготическом стиле, а также все, что в нем находилось, было отдано в уплату долга некоему торговцу оружием, после чего книга снова исчезла из виду – примерно на сотню лет. В 1911-м она была ошибочно – а может, исподтишка – выставлена на аукционе в Марселе под названием «*Casus lumen*»,³ однако манускрипт никто так и не предъявил для осмотра, а сам аукцион был спешно прекращен ввиду загадочной эпидемии, охватившей город. Все последующие годы считалось, что манускрипт уничтожен. И вот он – совсем рядом, прямо здесь, в Нью-Йорке.

Но – пятнадцать миллионов долларов?! Двадцать пять миллионов?! Найти такие деньги просто невозможно. Должен быть другой путь...

Самым большим страхом Сетракияна, – страхом, которым он не осмеливался ни с кем поделиться, – было то, что битва, начавшаяся так давно, уже проиграна. Что все происходящее – эндшпиль, и королю рода людского грозит неминуемый мат, однако человечество упорно пытается сделать несколько последних ходов на всемирной шахматной доске.

Сетракиян закрыл глаза, пытаясь совладать с гулом в ушах. Гул никуда не делся – по сути, он только усилился.

Таблетка никогда не действовала на него таким образом.

Едва осознав это, Сетракиян замер. Он поднялся на ноги.

Это была вовсе не таблетка. Гул шел отовсюду. Низкий, неясный, но звук все же присутствовал – и не внутри Сетракияна, а вовне.

Ясно. Они не одни.

«Ребенок!» – подумал Сетракиян.

С величайшим усилием он оттолкнулся от кресла и направился к комнате Зака.

Тук-тук-тук...

Это мама шла за своим мальчиком.

³ *Casus lumen* (искаж. лат.) – падение или гибель света.

* * *

Зак Гудвезер сидел, скрестив ноги, на крыше здания, в котором размещался ломбард Сетракяна. На коленях у него лежал раскрытый папин ноутбук. Зак забился в самый угол крыши – это было единственное место, где он мог пользоваться Интернетом, тайком подсоединившись к незащищенной домашней сети какого-то юзера, жившего по соседству. Беспроводная связь была очень слабой – индикатор сигнала показывал всего одну-две черточки, – поэтому поиск в Сети шел с черепашьей скоростью.

Пользоваться папиным компьютером Заку запрещалось. Вообще говоря, предполагалось, что он уже спит. Но у одиннадцатилетнего мальчика и в обыкновенной-то обстановке были проблемы со сном – его мучила бессонница, причем с давних пор, и этот факт ему некоторое время удавалось скрывать от родителей.

Зак-Бессоньяк! Так звали его первого супергероя. Это был восьмистраничный комикс, авторство которого полностью принадлежало Закарии Гудвезеру: он его написал, нарисовал и начертал красивым шрифтом все слова – сначала карандашом, а потом тушью. В комиксе шла речь о подростке, который по ночам патрулировал улицы Нью-Йорка, срывая планы всяческих террористов и осквернителей. И террористов-осквернителей. Заку никогда не удавалось правильно нарисовать складки накидки, но лица получались вполне сносно, а мускулатура выходила совсем хорошо.

Сейчас город особенно нуждался в Заке-Бессоньяке. Сон был роскошью. Роскошью, которую никто не позволил бы себе, если бы все знали столько, сколько знал Зак.

Если бы все увидели то, что видел он.

Считалось, что Зак спокойно дрыхнет себе в спальном мешке, набитом гусиным пухом, в свободной спальне на третьем этаже. В комнате пахло чуланом, как в той камерке с панелями из старого кедра, что была в доме его бабушки и дедушки, – камерке, которую больше никто не посещал, за исключением разве детей, любящих все вынюхивать и разведывать.

Маленькую спальню, где стены сходились под странными углами, господин Сетракян (или профессор Сетракян? – Зак, видя, как старик ведет дела в своем ломбарде на первом этаже, до сих пор не имел четкого мнения на этот счет) использовал в качестве кладовки. Кренящиеся в разные стороны стопки книг, множество древних зеркал, гардероб со старой одеждой... И еще несколько запертых сундуков – крепко запертых на настоящие замки, а не на какие-нибудь подделки, которые легко расщелкиваются, стоит только всунуть в скважину скрепку или стержень от шариковой ручки (Зак уже испробовал и то и другое).

Крысолов Василий Фет – или Ви, как он предложил Заку называть его, – притащил снизу, из торгового зала, отданный кем-то в залог телевизор «Саньо» с большими круглыми ручками и дисковыми регуляторами вместо кнопок и подсоединил к нему допотопную, еще с игровыми модулями, восьмибитную приставку «Нинтендо».

Ожидалось, что Зак будет торчать здесь безвылазно, играя в «Легенду Зельды». Вот только замка на двери спальни не было. Папа с Фетом перекрыли окно решеткой из толстых железных прутьев, причем прикрепили ее изнутри, а не снаружи. По словам Сетракяна, решетка была частью клетки, оставшейся еще с 1970-х. Отец с Фетом прикрутили ее прямо к несущим балкам.

Зак понимал: они не пытались запереть его внутри. Они пытались оставить ЕЕ – снаружи.

Он поискал персональную страничку папы на сайте Центра по контролю и профилактике заболеваний и увидел лишь: «Страница не найдена». Значит, они уже вычистили ее из правительственного портала. Поиск по ключевым словам «доктор Эфраим Гудвезер» вывел Зака на массу новостных ссылок. Доктора Гудвезера представили дискредитированным

себя чиновником ЦКПЗ, сфабриковавшим видеозапись, на которой якобы убивали человека, обратившегося в вампира. Сообщали, что он загрузил эту запись в Интернет (на самом деле это Зак загрузил тот самый клип, который отец запретил ему смотреть), с тем чтобы в личных интересах использовать истерию, поднявшуюся вокруг солнечного затмения. Вот это последнее – вообще чушь собачья. Какие такие «личные интересы» могли быть у папы, помимо спасения жизни людей? Один новостной сайт сообщал о Гудвезере следующее: «... всем известно, что он алкоголик, ввязавшийся в сомнительную борьбу за попечение, а теперь этот человек, надо полагать, еще и пустился в бега вместе с похищенным сыном». От этих слов у Зака внутри все словно заledenело. В той же статье говорилось, что в настоящий момент местонахождение бывшей жены Гудвезера и ее друга остается неизвестным, – судя по всему, они мертвы.

В последние дни Зака тошнило от всего, однако ложь в этой статье была особенно ядовитой. Все вранье, все до последнего слова. Да знают ли они правду? Или... им до лампочки? Или, может, они используют беды, обрушившиеся на его родителей, «в личных интересах»?

А обсуждение в Сети? Комментарии были еще хуже самих статей. Сейчас Зак не мог отвечать на весь тот бред, который анонимные комментаторы наговорили о его папе, не мог реагировать на их фальшивую спесивую праведность. Он должен был разобраться с ужасной правдой о его матери, дать отпор той пошлятине, которая изливалась в блогах, – что же до народа на форумах, то они просто ни черта не понимали.

Да и можно ли понять это? Как оплакивать того, кто, по сути, не умер? И как бояться того, чье желание быть рядом с тобой простирается в вечность?

Если бы мир узнал правду, ту правду, которую Зак видел собственными глазами, тогда доброе имя папы было бы восстановлено, а его голос – услышан... Но ничего в корне не изменилось бы. Его мама и его жизнь уже никогда не будут прежними.

Поэтому главное, чего хотел Зак, – чтобы все как-нибудь уладилось. Он ждал, что случится нечто фантастическое, превратив все опять в правильное и нормальное. Взять, например, детство – Заку тогда было около пяти. Он хорошо помнил, как разбил зеркало и просто прикрыл его простыней, а потом с неистовой силой взмолился Богу, чтобы зеркало восстановилось, прежде чем родители обнаружат урон. Или как он страстно желал, чтобы его родители снова влюбились друг в друга. Чтобы они однажды проснулись и поняли, какую ошибку сделали.

Сейчас он втайне надеялся, что папа совершит нечто невероятное. Вопреки всему Зак по-прежнему полагал, что где-то впереди их ждет счастливый конец. Не только его и его родителей – всех ждет счастливый конец. Может быть, даже произойдет чудо и мама станет прежней. Зак снова почувствовал слезы на глазах и на этот раз дал им волю. Зак сидел высоко на крыше. И он был один. Ему ужасно захотелось хотя бы еще раз увидеть маму. Это желание напугало его, и все-таки он просто мечтал о ее появлении. Вот бы заглянуть ей в глаза... Услышать ее голос... Зак мечтал, чтобы мама объяснила происходящее – так же, как раньше успокаивала его, объясняя разные вещи, которые его беспокоили. «Все обязательно будет хорошо...»

Где-то глубоко в ночи раздался вопль, вернув Зака к реальности. Мальчик вгляделся в северную часть города, увидел языки пламени на западе, столб темного дыма. Он посмотрел вверх: звезд сегодня не было. Только несколько огоньков самолетов. А днем он слышал, как над городом пронеслись истребители.

Зак утерся рукавом куртки и вернулся к ноутбуку. Запустив поиск по файлам, он быстро нашел папку с тем самым видео, которое ему не разрешалось смотреть. Он открыл файл, услышал голос папы и понял, что тот держит в руках камеру. Его камеру, Закову, ту самую, которую папа взял на время.

Сам объект съемки поначалу было трудно разобрать – что-то непонятное в темноте сарая. Какая-то тварь, сидя на корточках, рвалась вперед. Раздался глухой гортанный рык, за которым последовало шипение, исходившее, казалось, из самой глубины глотки. Заклацала цепь. Камера наехала, пиксели на темной картинке упорядочились, и Зак увидел разинутый рот. Рот, который был гораздо больше, чем положено, а внутри трепыхалось что-то похожее на плоскую серебристую рыбу.

Широко распахнутые глаза этой сарайной твари странно посверкивали. Сначала Зак принял их выражение за взгляд тоски и боли. Движения чудища сковывал ошейник – большой, стальной, предназначенный, видимо, для крупной собаки; цепь от ошейника тянулась дальше и крепилась к чему-то в земляном полу постройки. Тварь выглядела очень бледной – настолько бескровной, что чуть не светилась в темноте. Вдруг раздался странный дробный поршневой звук – шелк-пых, шелк-пых, шелк-пых, – и в существо, словно игольчатые пули, ударили три серебряных гвоздя, выпущенные откуда-то из-за камеры (стрелял папа?). Тварь хрипло взревела, как недужное животное, раздираемое болью, и картинка в кадре резко ушла вверх.

«Достаточно», – произнес чей-то голос на звуковой дорожке.

Голос явно принадлежал Сетракяну, но такого тона Заку никогда не доводилось слышать из уст доброго старого ломбардчика.

«Будем милосердны».

Затем старик вступил в кадр. Он произнес несколько слов на незнакомом, казавшемся очень древним, языке, словно призывая некие силы или налагая заклятие, занес над головой длинный серебряный меч, сверкнувший в лунном свете, – сарайная тварь при этом страшно взвыла – и с небывалой силой обрушил его на чудовище...

Послышались голоса. Зак отпрянул от компьютера. Звук доносился снизу, с улицы. Мальчик закрыл ноутбук, встал и, держась прямо, чтобы не высовываться за парапет крыши, осторожно окинул взглядом Сто восемнадцатую улицу.

По кварталу, направляясь к ломбарду, шла группа из пяти человек; за ними медленно двигался внедорожник. Люди несли оружие – автоматические винтовки – и колотили кулаками в каждую дверь, мимо которой проходили. Немного не доехав до перекрестка, внедорожник остановился – прямо напротив входа в ломбард. Пешие мужчины подошли к зданию и принялись трясти решетку ограждения.

– Открывай! – грянули сразу несколько голосов.

Зак отодвинулся от парапета и повернулся к двери, ведущей с крыши. Надо побыстрее вернуться в комнату, рассудил он, пока кто-нибудь не пришел его проведать.

И тут Зак увидел ее. Девочку. Подростка. Школьницу – класса седьмого или около того. Она стояла на крыше соседнего дома, чуть более высокого, чем стариковский. Эти два здания разделял незастроенный участок – он был совсем рядом, стоило лишь выйти из ломбарда и свернуть за угол. Ночной бриз раздувал сорочку девочки, теребил подол, доходивший до колен, но почему-то не трогал волосы – они, прямые и тяжелые, свисали совершенно неподвижно.

Девочка стояла на парапете – на самом краю крыши, – четко удерживая равновесие. В ее фигуре было неколебимое спокойствие. Утвердившись на кромке, она словно примеривалась к... прыжку. Она будто задумала невозможное – перемахнуть с крыши на крышу – и примеривалась, зная, что неизбежно упадет.

Зак вылупил глаза. Он не понимал, что происходит. Не был даже уверен, что способен понять. Но – заподозрил неладное.

Тем не менее он поднял руку и помахал девочке.

Та в ответ лишь уставилась на него.

* * *

Доктор Нора Мартинес, в недавнем прошлом сотрудница ЦКПЗ, отперла парадную дверь. Сквозь заградительную решетку на нее воззрились пятеро мужчин в камуфляжной форме и бронежилетах, с автоматами в руках. На двоих были платки, прикрывавшие нижнюю часть лица.

– У вас все в порядке, мэм? – спросил мужчина.

– Да, – кивнула Нора, безуспешно пытаясь разглядеть на пришедших какие-нибудь знаки различия. – Пока эта решетка держится, все прекрасно.

– Мы обходим квартиры. Зачистка кварталов. Там, – второй мужчина показал в сторону Сто семнадцатой улицы, – были кое-какие неприятности. Но думаем, самая дрянь не здесь, а между этим районом и центром. – (Он имел в виду Гарлем.) – К центру она и движется.

– А вы...

– Мы озабоченные граждане, мэм. Вам не следует оставаться здесь одной.

– Она не одна, – произнес из-за спины Норы Василий Фет, работник нью-йоркской дератизационной службы и крысолов по убеждению.

Мужчины смерили взглядами гиганта Фета.

– Вы и есть ломбардщик?

– Нет, он мой отец, – ответил Василий. – Какие такие неприятности вам мерещатся?

– Мы просто хотим найти управу на уродов, которые бунтуют в городе. На всех этих агитаторов и приспособленцев, что используют любую нездоровую ситуацию в своих целях и только усугубляют ее.

– Вы говорите как копы, – заметил Фет.

– Если подумываете уехать из города, лучше отправляться прямо сейчас, – вмешался третий мужчина, пытаясь избежать опасного поворота разговора. – На мостах пробки, тоннели забиты. Скоро от города останется куча дерьма.

– А лучше бы вышли да помогли нам, – добавил четвертый. – Сделайте хоть что-нибудь.

– Я подумаю, – отрезал Фет.

– Пошли дальше! – выкрикнул водитель внедорожника, стоявшего посреди улицы на холостом ходу.

– Удачи, – хмуро пожелал один из мужчин. – Она вам понадобится.

Нора проводила их взглядом, заперла дверь и отступила в тень помещения.

– Ушли, – сказала она.

Рядом с ней появился Эфраим Гудвезер, все это время наблюдавший за происходящим со стороны.

– Дураки, – произнес он.

– Копы, – обронил Фет, глядя, как мужчины поворачивают за угол дома.

– Откуда ты знаешь? – спросила Нора.

– Это всегда видно.

– Хорошо, что ты не показался им на глаза, – сказала Нора Эфу.

Тот кивнул:

– Почему на них нет никаких опознавательных знаков?

– Наверное, сдали смену, – предположил Фет, – выпили где-нибудь на халяву и решили: нет, так дело не пойдет, если уж допустили, что город рушится на глазах, надо вести себя иначе. Жены уже упаковались, скоро все рванут в Нью-Джерси, делать пока больше нечего, так почему бы не настучать кому-нибудь по голове? Копы считают, что они здесь хозяева. И

пусть правды в этом меньше половины, но все же она есть. Психология уличных бандитов. Тут их территория, и они будут за нее драться.

– Если поразмыслить, – возразил Эф, – то они, в сущности, мало чем отличаются от нас сегодняшних.

– Разве что таскают с собой свинец, а лучше бы орудовали серебром, – заметила Нора; ее пальцы скользнули в ладонь Эфа. – Жаль, что мы не предупредили их.

– Как раз после того, как я попытался предупредить людей, мне и пришлось бежать, – напомнил Гудвезер.

Нора и Эф первыми поднялись на борт усопшего самолета, где бойцы спецназа обнаружили пассажиров без признаков жизни. Потом пришло осознание странного факта: трупы не разлагались естественным образом; к этому добавилось исчезновение большого, похожего на гроб, ящика во время солнечного затмения, – вот тогда-то Эф и убедился, что они стоят перед лицом эпидемиологического кризиса, который невозможно объяснить нормальными медицинскими и научными причинами. Эф с большой неохотой пришел к такому выводу, но все-таки пришел, после чего смог воспринять и откровения этого ломбардца, Сетракяна, и страшную правду, скрывающуюся за новоявленной чумой. Отчаянное желание Эфа предупредить мир об истинной природе болезни – о vampirском вирусе, коварно распространенном в Нью-Йорке, уже начавшем атаку на пригороды, – привело к его разрыву с Центром по контролю и профилактике заболеваний, и ЦКПЗ попытался заткнуть ему рот, сфабриковав обвинение в убийстве. С того момента Эфраим Гудвезер подался в бег. Он взглянул на Фета:

– Машина загружена?

– Все готово. Можно ехать.

Эф сжал пальцы Норы. Она не хотела его отпускать.

* * *

– Василий! Эфраим! Нора! – донесся сверху голос Сетракяна.

Он шел от винтовой лестницы, расположенной в конце торгового зала.

– Мы внизу, профессор, – ответила Нора.

– К нам кто-то приближается.

– Вряд ли. Мы только что от них избавились. Борцы за бдительность. Причем хорошо вооруженные.

– Я не про людей, – сказал Сетракян. – Я не могу найти юного Зака.

* * *

Дверь спальни с треском распахнулась – Зак обернулся. В комнату влетел отец с таким видом, будто готов был наброситься на врага.

– Боже мой, пап, ты что?

Зак приподнялся, сядя в своем спальном мешке. Эф оглядел комнату.

– Сетракян сказал, что заглянул сюда, спокойствия ради, но тебя не нашел.

– Уффф... – Зак демонстративно потер глаза. – Должно быть, он не заметил меня на полу.

– Да, возможно.

Эф долгим взглядом посмотрел на Зака. Он, конечно, не поверил, однако на уме у него явно было что-то другое, что-то более важное, чем обличение сына во лжи. Эф обошел комнату, проверил зарешеченное окно. Зак сразу отметил: одну руку папа держит за спиной, причем двигается так, чтобы Зак не увидел, что он там прячет.

Следом в комнату ворвалась Нора. При виде мальчика она остановилась.

– В чем дело? – спросил Зак, поднимаясь на ноги.

Отец ободряюще кивнул и улыбнулся, но улыбка набежала на его лицо как-то очень уж быстро, только движение губ, в глазах никакой живости, совсем никакой.

– Просто осматриваем дом. Жди здесь, я скоро вернусь.

Эф вышел из комнаты, да так, что мальчик не увидел штуковину за его спиной. Зак задумался: что же от него скрывают? Ту самую шелк-пыхалку или какой-нибудь серебряный меч?

– Никуда не уходи, – сказала Нора и закрыла за собой дверь.

Зак терялся в догадках – что же они здесь искали? Мальчик однажды слышал, как мама упоминала имя Норы, – это было, когда родители в очередной раз ругались. Ну, не то чтобы ругались – они ведь тогда уже разошлись, – скорее, говорили на повышенных тонах. И еще Зак видел, как папа с Норой поцеловались – как раз перед тем, как папа оставил его, Зака, с Норой и отправился куда-то в компании Фета и господина Сетракяна. И все время, пока они отсутствовали, Нора была очень напряжена и озабочена. А когда они вернулись – все изменилось. Папа был такой сникший, такой подавленный – Зак ни за что не пожелал бы снова увидеть его в том состоянии. А господин Сетракян вернулся больным.

Впоследствии, подглядывая за взрослыми, Зак уловил обрывки разговоров, но из того, что услышал, цельная картина никак не складывалась.

Что-то такое о «владыке».

Что-то о солнечном свете и о том, что «уничтожить» кого-то там не удалось.

Что-то о «конце света».

Зак стоял в одиночестве посреди опустевшей комнаты, дивясь всем этим тайнам, вихрящимся вокруг него, как вдруг в нескольких настенных зеркалах уловил смутное движение. Что-то вроде смазанной картинки или визуальной вибрации, если такое вообще бывает. Что-то, что, по идее, должно быть сфокусированным, но в отражении получилось расплывчатым и нечетким.

Что-то за его окном.

Зак медленно повернул голову, потом резко повернулся всем телом.

Там, непостижимым образом распластавшись по внешней стене здания, висела она. Ее тело было каким-то изломанным, даже вывихнутым; широко распахнутые красные глаза обжигали взглядом. Волосы, тонкие и бледные, наполовину выпали; учительская блузка на одном плече зияла прорехой; обнажившаяся плоть была вымазана грязью. Мускулы шеи раздулись и деформировались; под кожей щек и лба извивались кровавые черви.

Мама.

Она пришла. Зак знал, что она придет.

Инстинктивно мальчик шагнул навстречу матери, но тут увидел, как изменилось выражение ее лица – гримаса боли вдруг уступила место жуткой мрачности, которую иначе как демонической не назовешь.

Келли заметила решетку.

В то же мгновение у нее отвалилась челюсть – буквально отвалилась, как на том видео, – и откуда-то из глубины рта, из-под того места, где раньше был язык, выстрелило жало. С треском и звоном оно пробило оконное стекло и стало проталкиваться сквозь сделанное отверстие. Длины в нем было метра два, на кончике оно сходилось в конус, и, когда жало выщелкнулось до конца, кончик остановился всего в нескольких сантиметрах от шеи Зака.

Ребенок окаменел. Его астматические легкие сжались, он даже вдоха сделать не мог.

На конце мясистого отростка было сложное двузубое разветвление, оно подрагивало и извивалось, словно выкапывая что-то в воздухе. Зак стоял, словно привинченный к полу.

Жало расслабилось, и мама, небрежно мотнув головой, втянула его в рот. В следующий миг Келли Гудвезер пробила головой окно – осколки со звоном посыпались вниз – и стала протискиваться внутрь. Еще десяток сантиметров, и жало дотянется до Зака, тогда она преподнесет Владыке своего Самого Любимого.

А еще Зак не мог сдвинуться с места из-за глаз – красных, с черными точками посередине. Он мучительно, до головокружения пытался найти в этом существе хоть какое-то сходство с мамой.

Неужели она мертва, как говорил папа? Или все-таки жива?

Она ушла навсегда? Или она здесь – прямо здесь, в этой комнате, с ним рядом?

Она по-прежнему ЕГО мама? Или принадлежит кому-то еще?

Отчаянно пытаясь достроить мостик между жалом и телом мальчика, Келли Гудвезер с жутким стоном истираемой плоти и хрустом костей протискивала голову меж железных прутьев решетки, точно змея, лезущая в кроличью нору. Челюсть ее снова отвалилась, а пылающие глаза выбрали целью горло Зака – место чуть выше кадыка.

В спальню вломился Эф. Зак стоял не шевелясь и тупо смотрел на Келли, а вампириша проталкивала голову меж железных прутьев, готовясь нанести удар.

– НЕТ! – заорал Гудвезер.

Выхватив из-за спины меч с серебряным лезвием, он в один прыжок оказался между Келли и Заком.

Следом за Эфом в комнату ворвалась Нора, включая на ходу лампу черного света. Послышалось низкое гудение – казалось, само жесткое ультрафиолетовое излучение испускает этот звук. От вида Келли Гудвезер – этого искаженного человеческого создания, материмонстра – Нора в отвращении содрогнулась, но ходу не сбавила, лишь выставила перед собой руку с источником света, смертоносного для вирусов.

Эф тоже приблизился к Келли, к ее ужасному жалу. Запавшие глаза вампириши сверкали звериной яростью.

– Прочь! Пошла! – прорычал Эф, как если бы перед ним было дикое животное, пытающееся забраться в дом, чтобы поживиться отбросами.

Он нацелил острие меча на Келли и ринулся к окну.

Бросив на сына последний, мучительно жадный взгляд, вампириша отпрянула от оконной клетки, чтобы лезвие не дотянулось до нее, а потом метнулась прочь по внешней стене здания.

Нора установила лампу на двух пересекающихся прутьях таким образом, чтобы убийственный свет падал на разбитое стекло, – это должно было остановить Келли.

Гудвезер подбежал к сыну. Опустив взгляд, Зак хватался руками за горло, его грудь ходила ходуном. Поначалу Эф подумал, что это от ужаса, но быстро понял, что дело гораздо хуже.

Паническая атака. Зак был весь зажат. Он не мог дышать.

Гудвезер лихорадочно огляделся по сторонам – где ингалятор? Прибор лежал на стареньком телевизоре. Эф вложил баллончик в пальцы сына и направил его руку так, чтобы мундштук попал в рот.

Эф нажал на донышко, ингалятор фукнул, и аэрозоль отворил легкие Зака. Бледность мгновенно сошла с лица мальчика, дыхательные пути расширились, словно в легких надули воздушный шарик, и Зак, теряя силы, осел на пол.

Уронив меч, Гудвезер подхватил мальчика, однако Зак, внезапно ожив, оттолкнул отца и бросился к окну.

– Ма-ма, – прохрипел он.

* * *

Отпрыгнув от окна, Келли карабкалась вверх по кирпичной стене. Когти, образовавшиеся на кончиках средних пальцев, облегчали ей задачу. Она взбиралась, словно паучиха, плотно прижимаясь к стене. Ее гнала вверх ярость, неимоверная ненависть к человеку, ставшему у нее на пути именно тогда, когда она ощутила – с той же остротой, с какой мать во сне слышит зов своего ребенка, попавшего в беду, – восхитительную близость Самого Любимого. Горе Зака было для нее как свет маяка, исходящий от души. Его почти безграничная нужда в матери с удвоенной силой отзывалась в ней другой нуждой – вампирской, не имеющей границ.

Снова встретившись с Закарией Гудвезером, Келли увидела перед собой не мальчика. Не сына. Не любовь всей своей жизни. Она увидела часть себя – ту часть, которая все еще оставалась человеческой. Часть, по-прежнему биологически принадлежащую ей – Келли, которой наперекор биологии суждена была вечная жизнь. Увидела собственную кровь, только все еще по-человечески красную, а не по-вампиру белую. Кровь, несущую в себе кислород, а не пищу. Келли увидела дефектную, несовершенную часть себя, насильно удерживаемую от воссоединения с нею.

А она хотела эту часть. Она до безумия жаждала ее.

То была не человеческая любовь. То была вампирская нужда. Вампирская страсть. У людей размножение направлено вовне, оно нацелено на воспроизводство, на рождение и рост потомства; но вампирское размножение направлено в обратную сторону, воспроизводство идет вспять по линии родства, вампир вселяется в уже существующие живые клетки и обращает их, приспособляя для собственных целей.

Положительный полюс магнита – любовь – становится своей противоположностью, и эта противоположность вовсе не ненависть. И не смерть. Отрицательный полюс магнита – это инфекция. На место разделенной любви, соединения семени и яйцеклетки, слияния наследственных факторов для создания нового уникального существа заступает нечто совершенно иное – извращение репродуктивного процесса. Чужая косная материя вторгается в жизнеспособную клетку и производит на свет сотни миллионов абсолютно одинаковых, идентичных организмов. Здесь нет ни разделенной любви, ни акта творения – есть лишь яростная, разрушительная сила. Это осквернение самой сути оплодотворения, низложение любви. Изнасилование биологии и вытеснение жизни.

Келли очень нужен был Зак. Пока он не обращен, а следовательно, не закончен, она сама не может считать себя завершенной.

Тварь по имени Келли встала в полный рост на кромке крыши. Она была совершенно равнодушна к страданиям города, расстилавшегося вокруг. Она испытывала только жажду. Необоримую страсть к крови и к тому, в ком текла ее собственная кровь. Эта бешеная лихорадка и гнала ее вперед. Вирус знает одно: он должен заражать.

Вампирша начала было искать другой путь внутрь кирпичной коробки, как вдруг из-за надстройки над лестничным колодцем послышались шаги – чьи-то ноги в старых туфлях шаркали по гравиям.

Несмотря на темноту, она отчетливо увидела его. Это был старый Сетракян, охотник на вампиров. Он вышел из-за надстройки с серебряным мечом в руке и направился к ней. Все ясно: Сетракян хочет припереть ее к парапету, чтобы за спиной остались только край крыши и ночная бездна.

Тепловое излучение охотника было жидкое и тусклое. Это и понятно: отжившая свое человеческая особь, кровь медленно струится в жилах. Старик показался Келли маленьким. Впрочем, для нее теперь все люди коротышки. Маленькие, бесформенные, эти существа

суетливо толпятся на самом краешке бытия и все время падают, спотыкаясь о собственный жалкий интеллект. Бабочка, у которой на спине между крыльями начертана мертвая голова, с полнейшим отвращением взирает на мохнатый кокон. Ранняя стадия эволюции. Устаревшая модель, не способная услышать благотворный ликующий зов Владыки.

Что-то внутри Келли все время перекликалось с ним. Некая форма примитивной, но в то же время хорошо отлаженной чувственной коммуникации, как у животных. Душа улья.

Дряхлое человеческое существо подошло ближе – Келли не сводила глаз со смертоносного лезвия, ярко сверкавшего в ночи, – и тут в ней зазвучал голос: он пришел непосредственно от Владыки, а уж через Келли был мгновенно ретранслирован в сознание старого мстителя.

Авраам.

Да, звук исходил от Владыки – и все же это был не тот мощный и властный голос, каким его знала Келли.

Авраам. Не делай этого.

Интонация была явно женской. Но ведь сама Келли ничего не произносила. Этот голос она слышала впервые в жизни.

А вот Сетракян точно слышал его ранее. Келли поняла это по тепловому излучению человеческого существа, по тому, как участился сердечный ритм старого охотника.

Я живу и в ней... Я живу в ней...

Мститель остановился. В его взгляде появился намек на слабость. Вампир Келли ухватила за эту возможность, ее челюсть отвалилась, рот распахнулся, она почувствовала, что ожившее жало вот-вот выстрелит.

Но тут охотник воздел свой меч и с криком бросился на нее. У Келли не осталось выбора. Серебряное лезвие, ослепительно пылая, прожигало мрак ее глаз.

Она повернулась, пробежала вдоль парапета, перемахнула через него и стремглав помчалась по отвесной стене вниз. Пересекая пустой участок между домами, Келли лишь раз обернулась, чтобы бросить взгляд наверх, на дряхлое человеческое существо с его тающим тепловым излучением. Старик стоял в полном одиночестве. Стоял и смотрел, как она исчезает в ночи.

* * *

Гудвезер подошел к Заку и потянул сына за руку, стремясь уберечь от обжигающего света ультрафиолетовой лампы, лежавшей в оконной клетке.

– Убирайся! – крикнул Зак.

– Ну же, дружок, – сказал Эф, стараясь успокоить его.

Им обоим нужно было успокоиться.

– Эй, дружище. Зи. Ну же...

– Ты пытался убить ее.

Эф не знал, что сказать. Потому как он и впрямь пытался убить Келли.

– Она... Она все равно уже мертва.

– Не для меня!

– Ты видел ее, Зи. – Эфу не хотелось говорить о жале. – Ты видел, во что она превратилась. Она больше не твоя мама. Мне очень жаль.

– Ты не должен убивать ее! – всхлипнул Зак.

Его голос все еще прерывался после перенесенного приступа.

– Должен, – сказал Эф. – Должен.

Он подошел к Заку, пытаясь восстановить утраченный контакт, но мальчик отпрянул. Вместо того чтобы прильнуть к отцу, Зак пододвинулся к Норе – единственному человеку поблизости, который хоть как-то мог заменить мать, – и с плачем уткнулся в ее плечо.

Нора посмотрела на Гудвезера. Ее взгляд был полон сочувствия, но Эф не принял утешения.

Позади него в дверях появился Фет.

– Пошли, – сказал Гудвезер и выбежал из комнаты.

Ночная стража

Они медленно продвигались по улице в сторону парка Маркуса Грейви – пятеро оставшихся службу пеших полицейских и сержант на личном автомобиле.

Без знаков различия. Без видеокамер, положенных для патрульных машин. Без докладов о проделанной работе. Забыты внутренние расследования, общественные советы и отдел собственной безопасности.

Главное – сила. И порядок.

Федералы уже навешали на них ярлыков: «инфекционная мания», «чумное помешательство» и так далее.

А куда делся старый добрый термин «плохие парни»? Вышел из моды?

Что там говорили в правительстве? Мобилизовать полицию штата? Призвать национальную гвардию? Развернуть войска?

«По крайней мере, дайте нам, простым городским полицейским, ребятам в синей форме, право первого выстрела».

– Эй! Что за фигня?

Один из мужчин схватился за глубокий разрез на руке – что-то рассекло локоть, пройдя сквозь рукав. Следующий снаряд ударил в асфальт прямо под ногами.

– Они что, швыряют гребаные камни?

Все вскинули глаза к крышам.

– Вон! Там!

Плита декоративной облицовки с изображением геральдической лилии летела им на головы. Борцы бросились врассыпную – камень с треском разбился о бордюр тротуара, обдав голени мужчин градом обломков.

– Сюда!

Компания ринулась к двери подъезда, ворвалась внутрь. Первый побежал вверх по лестнице. Там, посреди площадки, стояла девочка-подросток в длинной ночной рубашке.

– Убирайся отсюда, детка! – заорал мужчина, огибая ее и направляясь к следующему пролету.

Наверху кто-то двигался. Сейчас полицейскому не нужно было вызывать подкрепление, не нужно было играть по правилам, не нужно было искать оправданий для применения силы. Он велел парню наверху остановиться, а затем вколотил в него четыре пули и уложил на месте.

Коп подошел к бунтарю, весь дрожа от возбуждения. Черный парень, в груди – четыре кучные дырки. Улыбаясь во весь рот, полицейский повернулся к пролету:

– Один готов!

Черный парень шевельнулся и сел. Коп, попятившись, успел вбить в него еще одну пулю, прежде чем раненый, вскочив, прыгнул на него, крепко обхватил руками и принялся что-то делать с шеей.

Полицейский крутанулся на месте – винтовка оказалась стиснута между ним и нападавшим, а бедром он уперся в перила лестницы – и почувствовал, что ограждение поддается.

Оба упали и с грохотом шмякнулись на пол. Овернувшись на шум, второй коп увидел, что на его товарище лежит подозрительный тип и словно бы грызет его шею, – во всяком случае, было очень похоже. Прежде чем выстрелить, мужчина взглянул вверх – туда, откуда они свалились, – и увидел девочку-подростка в ночной рубашке.

Она прыгнула на полицейского, свалила с ног и, усевшись верхом, принялась раздирать ногтями его лицо и горло.

В этот момент вернулся третий коп. Спустившись по лестнице, он сначала уставился на девочку, а потом увидел за ней парня с жалом во рту. Жало волнообразно подрагивало: урод высасывал кровь из его напарника.

Полицейский выстрелил – пуля опрокинула девочку на спину. Мужчина собрался было открыть огонь по чудовищу, но тут из-за спины высунулась чья-то рука, длинный когтеобразный ноготь вспорол мужчине горло, отчего полицейского развернуло и он рухнул в объятия поджидавшей сзади твари.

Келли Гудвезер, кипя яростью от неутолимого голода и жажды крови, подхлестнутой тоской по сыну, одной рукой без всякого труда втащила полицейского в ближайшую квартиру и с треском захлопнула за собой дверь, чтобы никто не помешал ей насытиться.

Владыка. Часть первая

Конечности мужчины дернулись, с губ сорвался тонкий аромат последнего вздоха, а зубы выбили дробь, возвестив окончание трапезы Владыки. Гигантская тень выпустила из своих объятий недвижимое обнаженное тело, и оно свалилось в ноги Сарду, к телам первых четырех жертв.

На всех были одинаковые меты совершенного над ними насилия – следы жала, проникшего в мягкую плоть точно над бедренной артерией. Не то чтобы популярный образ вампира, пьющего кровь из шеи жертвы, неверен, – просто сильные вампиры предпочитают правую бедренную артерию. Напор крови и насыщенность кислородом в ней идеальны, а вкус – богатый, резкий, едва ли не грубый. Что же до яремной вены, то кровь там нечистая, с острым солоноватым привкусом. Как бы там ни было, для Владыки процесс питания давно потерял восхитительную прелесть. Сотни раз древний вампир кормился, даже не заглядывая в глаза своих жертв, хотя адреналиновый прилив страха, захлестывавший жертву, добавлял металлическому вкусу крови особый экзотический холодок.

Многие столетия боль человеческая освежала и даже бодрила Владыку: различные ее проявления забавляли вампира; скотская музыка – изысканная симфония вскриков, сдавленных стонов, издыханий – неизменно возбуждала его интерес.

Однако ныне, особенно тогда, когда Тварь питалась так, как сейчас, *en masse*,⁴ ей требовалась абсолютная тишина. Изнутри самой себя Тварь воззвала к своему первобытному голосу – голосу изначальному, голосу ее истинной природы, покрывающему всех прочих гостей, заключенных в теле Владыки и подчиненных его воле. В Твари родилось низкое гудение – пульсирующий звук, нутряной душеутоляющий гул, умственный громовой рокот, способный на долгое время парализовать находящуюся рядом добычу, чтобы Владыка мог покормиться вволю.

Однако «гудением» следовало пользоваться очень осторожно, потому что оно обнажало истинный голос Владыки. Его истинную природу.

Требовалось некоторое время и требовались определенные усилия, чтобы утихомирить все населяющие Владыку голоса и заново обнаружить свой собственный. Это было опасно, ибо галдеж служил Владыке шумовой завесой. Обитающие в нем голоса – включая голос Сарду, юноши-охотника, в тело которого вселилась Тварь, – маскировали Владыку, скрывали его присутствие, местоположение и мысли от других Патриархов. Они, эти голоса, окутывали его, словно плащ-невидимка.

Находясь внутри «Боинга-777», Владыка использовал «гудение», когда самолет прибыл в аэропорт имени Джона Кеннеди, и сейчас он тоже применил этот пульсозвук, чтобы обеспечить абсолютную тишину и собраться с мыслями. Здесь, в склепе, Владыка мог себе это позволить – он находился на глубине нескольких десятков метров от поверхности земли в бетонном убежище, расположенном посреди полузаброшенного мясозаготовительного комплекса. Зал, который занимал Владыка, служил центром лабиринта из загонов для скота с прихотливо изогнутыми стенами и служебных тоннелей, а непосредственно над этим залом размещалась скотобойня. Когда-то здесь, внизу, собирали кровь и отходы, но теперь, после тщательной чистки, предшествовавшей вселению Владыки, помещение более всего напоминало небольшую заводскую часовню.

Резаная рана на спине Владыки, наполнявшая его пульсирующей болью, начала заживать почти мгновенно. Он никогда не боялся, что после ранения увечье останется навсегда – Владыка вообще ничего не боялся, – и все же от этого пореза останется шрам, оскорб-

⁴ Массово (*фр.*).

ление его телу. Тот старый дурак и человечешки, примкнувшие к нему, горько пожалеют о том злосчастном дне, когда встали на пути Владыки.

Еле слышное эхо ярости – нет, не ярости, а глубинного гнева – отозвалось в его многочисленных дробных голосах, прошло мелкой рябью по его монолитной воле. Владыка ощущал, как в нем полнится злость. Это чувство освежало его. Освежало и даже наполняло энергией. Гнев был не из тех эмоций, которые часто испытывал Владыка, поэтому он позволил себе эту реакцию – более того, обрадовался ей.

Огромное покалеченное тело вампира затряслось от беззвучного смеха. В игре, которую он затеял, Владыка далеко обошел своих соперников, и все его разнообразные пешки вели себя так, как им и полагалось. Энергичный Боливар, ставший кем-то вроде лейтенанта в его войске, вполне доказал свою способность возбуждать в других жажду крови и даже подыскал нескольких рабов, годных к службе при свете солнца. Самонадеянность и высокомерие Палмера росли с каждым тактическим успехом, и все же он полностью оставался под контролем Владыки. Затмение Солнца – вот что обозначило начало действий на оси времени, в этой точке и пришел в движение весь план. Затмение обусловило ту тонкую сакральную геометрию, которая была столь необходима для исполнения задуманного, и теперь... Что ж, теперь – ждать осталось совсем недолго – загорится земля...

На полу застонал жалкий комок плоти, неожиданно проявивший тягу к жизни. Посвежавший Владыка радостно воззрился на него с высоты своего роста. В сознании вампира снова пробудился хор голосов. Владыка пригляделся к человеку, лежавшему у его ног: во взгляде этого ничтожества еще осталось немного боли и страха. Непредвиденное угощение.

На этот раз Владыка не отказал себе в удовольствии отведать пикантный десерт. Стоя под сводчатым потолком склепа, Владыка поднял тело, аккуратно возложил руку на грудь человека, точно над его сердцем, и с жадностью впитал еле мерцающее биение, погасив его навсегда.

Место взрыва

Платформа была пуста, когда Эф спрыгнул на рельсы и вслед за Фетом направился в подземный тоннель, огибавший строительную площадку в котловане на месте взрыва башен-близнецов.

Еще недавно Эф и представить не мог, что он снова окажется здесь. После всего, что они увидели и испытали, Эф не мог вообразить силу, способную вернуть его в этот подземный лабиринт – гнездовье Владыки.

Впрочем, чтобы натрудить мозоли, хватит и дня. И еще помогло виски. О да, виски весьма помогло.

Гудвезер перешагнул черные камни, лежавшие, как и раньше, вдоль заброшенного пути. Крысы не вернулись. Он прошел мимо шланга компрессора, оставленного кессонщиками – те тоже исчезли без следа.

Фет нес в руке свое обычное оружие – стальной прут. Несмотря на то что можно было обзавестись более подходящими и эффективным оружием, Эф и Фет тащили с собой ультрафиолетовые лампы, серебряные мечи и гвоздезабивной пистолет, заряженный стержнями из чистого серебра. При этом Фет не расставался со своим крысиным прутком, хотя оба знали, что крыс здесь больше нет. Подземная крысиная вотчина подверглась заражению – ее инфицировали вампиры.

Фету тоже нравился гвоздезабивной пистолет. Для пневматических инструментов такого рода требовались трубки и вода. Электрические пистолеты обладали малой ударной силой, а траектории выпускаемых из них гвоздей отличались непредсказуемостью. К тому же и те и другие были достаточно громоздки. Пистолет Фета – оружие из сетракиянского арсенала диковин, как древних, так и современных, – работал на пороховых зарядах, и пороха в нем было как в старом добром дробовике. В магазине – пятьдесят серебряных гвоздей без шляпок, подаются снизу, как в «узи». Свинцовые пули проделывают в вампирах дырки не хуже, чем в людях, но если твоя нервная система приказала долго жить, физическая боль уже не представляет проблемы и покрытые медной оболочкой пули превращаются в тупой ударный инструмент. Дробовик обладает большой останавливающей силой, однако из него нужно попасть в шею, чтобы напрочь отстрелить голову от тела, иначе дробь тоже не убьет вампира. Серебро в виде четырехсантиметровых гвоздей без шляпок смертельно для вирусов. Свинцовые пули только разъяряли вампиров, в то время как серебряные гвоздики наносили урон вроде как на генетическом уровне. И не менее важно было то – во всяком случае, по мнению Эфа, – что серебро пугало вампиров, производило тот же психологический эффект, что и ультрафиолет в его чистом коротковолновом диапазоне UVC. Серебро и солнечный свет были для вампиров все равно что арматурный прут Фета – для крыс.

Василий Фет, представитель городской дератизационной службы, присоединился к ним в желании понять, что гонит крыс на поверхность.

Он уже несколько раз сталкивался с монстрами во время своих подземных вылазок, и набор его умений – прирожденный истребитель всяческих паразитов, он был экспертом в области подземного городского хозяйства – идеально подходил для охоты на вампиров. Именно он привел сюда Эфа и Сетракияна, когда те пытались отыскать гнездовье Владыки.

В подземелье витал, не имея выхода, запах смертоубийства. Жуткая смесь: вонь обугленной плоти вампиров и неотвязный аммиачный дух их экскрементов.

Эф немного отстал, затем прибавил ходу и, посвечивая фонариком по стенам тоннеля, догнал Фета.

В уголке рта крысолова торчала незажженная «торо» – разговаривая, он любил покусывать кончик сигары.

– Ты в порядке? – спросил Василий.

– В полном! – вскинулся Эф. – Лучше и быть не может.

– Он просто немного потерян. Ах, дружище, я тоже был потерян в его возрасте, а моя мама не очень-то... Ну, в общем, сам понимаешь.

– Понимаю. Ему нужно время. А время – лишь одна из многих вещей, которые я сейчас как раз и не могу ему дать.

– Он хороший парнишка. Я, вообще-то, не люблю детей, но твой мне нравится.

Эф кивнул – он понимал, что Фету было не просто признаться в этом.

– Мне он тоже нравится.

– Меня беспокоит старик, – признался Василий.

Гудвезер осторожно переступил через наваленные камни.

– Все это отняло у него очень много сил.

– В физическом смысле – да, конечно. Но есть кое-что еще.

– Поражение.

– Именно. Столько лет гонялся за этими тварями, подобрался так близко – и все для того, чтобы увидеть, как Владыка выстоит и уцелеет под лучшим ударом, какой только мог нанести старик. Но и это не все. Есть вещи, которые он нам не говорит. Или пока не говорит. Уверю тебя.

Эф вспомнил, как король-вампир торжественным жестом сбросил плащ, вспомнил, как его лилейно-белая плоть обуглилась в свете ясного дня, как он с дьявольским вызовом возопил на солнце, а затем пробежал по парапету крыши, прыгнул на леса и исчез.

– Старик думал, что солнечный свет убьет Владыку.

Фет пожевал кончик сигары.

– Во всяком случае, солнце обожгло эту тварь. Кто знает, как долго она способна выносить облучение. А ты еще и поранил ее. Серебром.

Хотя успех был не окончательный, а всего лишь половинчатый, Эфу повезло: одним ударом он глубоко рассек мечом спину Владыки, а когда рана попала под прямой солнечный свет, ее кромки сошлись и мгновенно сплавились, образовав черный рубец.

– Если эту тварь можно ранить, – размышлял Фет, – то, полагаю, уничтожить ее тоже можно.

– Разве раненое животное не становится еще опаснее? – спросил Эф.

– Животными, как и людьми, движут боль и страх. Но возьмем этого монстра. Боль и страх – его привычная среда обитания. Никакие дополнительные мотивы ему не нужны.

– Один все-таки у нее есть. Стереть нас с лица земли.

– Я долго думал об этом. Зачем Владыке стирать с лица земли все человечество? Мы же его пища. Мы его завтраки, обеды и ужины. Как только он превратит всех в вампиров, его пищевой запас – тью-тью. Если убьешь всех цыплят, и яиц не будет.

Доводы Фета, его логика произвели на Эфа впечатление.

– Ему нужно поддерживать баланс. Превратив в вампиров слишком много людей, он создаст чрезмерный спрос на обеды из человечинки.

– Чертова экономика на крови!

– Если, конечно, он не уготовил нам другую участь. Я только и надеюсь, что у старика есть ответы. Если же нет...

– Тогда их нет ни у кого.

Они вышли к тусклой развилке тоннелей. Эф поднял повыше лампу черного света – ее лучи тут же выявили хаотичные пятна вампирских отходов, мочи и экскрементов. Этот биологический материал люминесцировал под воздействием низкочастотного ультрафиолета. Кричащие цвета, так хорошо запомнившиеся Эфу, исчезли. Пятна потускнели: последнее время вампиры сюда не наведывались. Возможно, причиной тому была их несомненная

телепатия: кровососов отпугнула смерть сотен их со-тварей, убитых Эфом, Фетом и Сетра-кьяном.

Фет поковырял стальным прутком в куче мобильников, походившей на курган. Бес-мысленный памятник тщете человеческой: словно бы вампиры высосали из людей жизнь, и все, что осталось от смертных, – это их устройства связи.

– Я тут размышлял кое над чем, – тихо сказал Фет. – Кое о каких словах старика. Он говорил о мифах разных культур и эпох, которые обнаруживают схожесть базовых людских страхов. Об универсальных символах.

– Об архетипах.

– Именно это слово он и произнес. Старик рассуждал об ужасах, свойственных всем племенам во всех странах. О страхах, которые глубоко коренятся в людях по всему белу свету. О страхах перед болезнями, чумой, войной, алчностью. По мнению старика, тут штука вот в чем. А что, если все это – не просто предрассудки? Что, если они прямо соотносятся друг с другом? Не отдельные страхи, связанные между собой через коллективное бессозна-тельное, а что-то, что имеет реальные корни в нашем прошлом? Другими словами, что, если это не общие мифы, а общие истины?

Эф подумал, что здесь, в подбрюшье осажденного города, ему будет непросто перева-рить эту теорию.

– Хочешь сказать, по его словам, мы будто бы всегда знали...

– Да. И всегда боялись. Страшная, грозная реальность – реальность клана вампиров, которые живут за счет человеческой крови и поражены болезнью, овладевающей челове-скими телами, – существовала издревле, и люди об этом знали. Но когда вампиры ушли в подполье или, как бы это сказать, отступили в тень, правду заболтали и она превратилась в миф. Факт стал вымыслом. Но колодец страха уходит так глубоко, пронзая слои всех наро-дов и всех культур, что просто взять и исчезнуть он не мог никак.

Эф кивнул – вроде бы заинтересованно, но в то же время рассеянно. Фет мог, отступив на шаг, окинуть взглядом всю картину и поразмышлять о ней, в то время как Гудвезер был не в состоянии этого сделать – его ситуация, в корне отличная от Фетовой, не давала такой возможности. Вампиры отобрали у него жену. Бывшую жену. Отобрали и обратили ее. И теперь она с дьявольским упорством пыталась обратить свою кровинушку, своего Самого Близкого и Дорогого – их сына. Эта чума, распространяемая демонами, добралась и до Эфа – не в физическом смысле: она поразила его на глубинном, личном уровне. И теперь Эфу было трудно сосредоточиваться на чем-то еще, не говоря уже о том, чтобы теоретизировать, пытаясь оценить масштаб событий, – хотя именно к этому его и готовили как эпидемиолога. Когда что-то столь вероломно вторгается в твою личную жизнь, все высшие соображения летят к чертям.

Гудвезер ловил себя на том, что его мысли все больше, до какой-то даже одержимости, занимает Элдрич Палмер – глава «Стоунхарт груп», один из трех богатейших людей в мире, человек, которого они распознали как главного соучастника Владыки. По мере того как атаки вампиров на территории страны набирали обороты – с каждой прошедшей ночью их коли-чество удваивалось, штамм вируса распространялся в геометрической прогрессии, – дик-торы новостей со всей настойчивостью утверждали обратное, называя эти атаки «вспыш-ками насилия». Это все равно что называть революцию «протестом группы лиц». Дикторы были не настолько глупы, чтобы ничего не понимать, и все же кто-то – не иначе как Пал-мер, человек, корыстно заинтересованный в том, чтобы ввести в заблуждение американскую публику и весь мир в целом, – управлял ими, как марионетками, распоряжался средствами информации и даже взял под свое крыло ЦКПЗ, Центр по контролю и профилактике заболе-ваний. Только «Стоунхарт груп», возглавляемая Палмером, могла профинансировать и осу-ществить такую мощную кампанию по дезинформации, которая развернулась после затме-

ния. Для себя Эф решил: если им пока не по силам быстро одолеть Владыку, что ж, вполне можно покончить с Палмером, не только старым, но и, как знали все, чудовищно немощным. Любой другой человек ушел бы в мир иной еще лет десять назад, однако несметные богатства Палмера и его неограниченные ресурсы сохраняли ему жизнь, подобно тому как винтажный автомобиль поддерживают в рабочем состоянии за счет круглосуточного обслуживания. Эф, будучи врачом, полагал, что жизнь стала для Палмера чем-то вроде фетиша. Этот человек словно задался вопросом: ну и как долго я протяну?

Ярость Гудвезера, нацеленная на Владыку, – за то, что тот обратил Келли и растоптал всю его веру в науку и медицину, – была оправданна, но бессильна: все равно что грозить кулаком самой смерти. Однако обличение Палмера, человеческого сообщника Владыки, послушного исполнителя его намерений, давало мукам Эфа направление и цель. Даже больше того – оно узаконивало жажду личного отмщения.

Этот дряхлый старик разрушил жизнь его сына и разбил сердце мальчика.

Фет и Эф достигли цели путешествия – большого, вытянутого в длину помещения с низким потолком. Прежде чем завернуть за угол, Фет изготовил свой гвоздезабивной пистолет, а Эф обнажил серебряный меч.

В дальнем конце помещения возвышалась насыпь из грязи и мусора. Вонючий алтарь, на котором должен был покоиться гроб – ящик с затейливой резьбой, который пересек Атлантический океан в морозном брюхе самолета рейса 753 компании «Реджис эйрлайнс» и в котором прятался Владыка, зарывшись в холодную мягкую землю.

Только сейчас гроба не было. Шкаф снова исчез, как исчез тогда из охраняемого ангара аэропорта Кеннеди. Плоская поверхность мусорного алтаря хранила его отпечаток.

Кто-то или, скорее, что-то – словом, некая тварь вернулась сюда и забрала ящик, чтобы Эф и Фет не смогли уничтожить место упокоения Владыки.

– Он побывал здесь, – констатировал Василий, оглядываясь вокруг.

Гудвезер был горько разочарован. Он мечтал разнести в щепки тяжелый резной шкаф – облечь свой гнев разрушительным действием и самым определенным образом уничтожить обиталище монстра. Чтобы тот понял: они не сдались. И не сдадутся никогда.

– Ну-ка, – сказал Фет. – Посмотри-ка.

В лучах «волшебной палочки» Эфа в низу боковой стены ожили буйные разводы красок – свежие струйные следы вампирской мочи. Фет осветил всю стену обычным фонариком.

Каменную плоскость покрывала роспись самого дикого вида – казалось, граффити были нанесены как попало, совершенно хаотично. Приблизившись, Эф разобрал, что подавляющее большинство изображений были вариациями одной и той же шестиконечной фигуры – от примитивных и абстрактных до просто ошеломляющих. Тут было нечто похожее на звезду, там – какая-то амеба... Граффити расползались по широкой стене, словно некий мотив размножался, воспроизводя себя снова и снова и заполняя каменную плоскость снизу доверху. Подойдя еще ближе, Эф принялся – краска была свежей.

– А вот это совсем новенькое, – сказал Фет, отступив на шаг, чтобы охватить взглядом картину.

Эф переместился вбок – ему хотелось лучше рассмотреть символ, помещенный в центре одной из наиболее тщательно прорисованных звезд. Он походил на какой-то крюк. Или на коготь. Или на...

– Полумесяц.

Гудвезер провел лампой черного света над сложным рисунком. В линиях узора, невидимые невооруженному глазу, прятались два одинаковых изображения. И стрелка, указывающая в глубину тоннелей.

– Возможно, они мигрируют, – предположил Фет. – Стрелка задает направление...

Эф кивнул и проследил за взглядом Фета: он был устремлен на юго-восток.

– Отец часто рассказывал мне об этих знаках, – пояснил Фет. – Язык бродяг. Он узнал о нем, когда впервые попал в эту страну после войны. Меловые пометки обозначали дружелюбные и недружелюбные дома – где найдешь пищу, ночлег, а где нарвешься на враждебно настроенного домовладельца. Многие годы я сам видел похожие знаки на складских помещениях, в тоннелях, подвалах...

– И что все это значит?

– Я не знаю языка бродяг. – Фет огляделся. – Но, кажется, знаки указывают путь вон в ту сторону. Посмотри, не осталось ли в каком-нибудь мобильнике заряда. Нам нужен с камерой.

Эф зарылся в кучу. Он пробовал включить телефон и, если дисплей не загорался, отбрасывал аппаратик в сторону. Наконец розовый «Нокиа» с люминесцентным брелоком в виде котенка Китти замигал в его руке, возвращаясь к жизни. Эф перебросил телефон Фету.

Василий осмотрел аппарат.

– Никогда не понимал эту чертову кошку, – сказал он. – У нее слишком большая голова. Как вообще можно называть такое кошкой? Посмотри сам. Она же больна... ну, как это называется, когда вода внутри?

– Гидроцефалия? – спросил Эф, недоумевая, с чего это вдруг Фет так завелся.

Василий оторвал и швырнул прочь брелок.

– Эта дрянь только несчастье приносит, – объявил он. – Гребаная кошка. Ненавижу эту чертову кошку.

Фет сфотографировал полумесяц, подсвеченный индиговым сиянием ламп, затем снял на видео сумасшедшую фреску целиком – от ее вида в этом мрачном помещении перехватывало дыхание. Василий был в равной степени заморожен надругательским характером этой гигантской росписи и заинтригован ее тайным смыслом.

* * *

Когда они вышли на поверхность, было уже светло. Эф нес на плече бейсбольную сумку – в ней лежали серебряный меч и прочее оборудование; Фет катил свои орудия в небольшом ящике на колесиках, который обычно использовал для хранения крысоловных инструментов и ядов. Оба были в рабочей одежде, перепачканной грязью после странствований в тоннелях под местом взрыва.

Уолл-стрит была ужасающе пустынна, на тротуарах почти никого. Вдалеке завывали сирены, словно взывая к тем, кто никогда больше не придет. Черный дым привычно поднимался в городское небо.

Немногие пешеходы, попадавшие на пути Василия и Эфа, юрко огибали их, ограничиваясь едва заметным кивком. На некоторых были маски, другие прикрывали носы и рты шарфами, сбитые с толку ложной информацией о загадочном «вирусе». Большинство магазинов и лавок были закрыты – либо потому, что их уже разграбили, либо потому, что не завезли товар или отключили электричество. Василий и Эф прошли мимо рынка – ярко освещенного, однако совсем без продавцов. Бродившие по рядам люди забирали с прилавков подпорченные фрукты и снимали с задних полок последние консервные банки. Все, что еще можно было съесть. Кулеры с напитками стояли опустошенные, так же как и холодильные секции. Кассовые аппараты обчистили до последнего цента – дурные привычки умирают последними. Впрочем, деньги теперь ценились намного ниже, чем продукты и питьевая вода.

– Сумасшествие, – пробормотал Эф.

– Во всяком случае, у кого-то еще есть силы, – сказал Фет. – Но имей в виду: скоро мобильники и ноутбуки выработают питание, и народ обнаружит, что подзарядить их негде. Вот тогда самый хай и поднимется.

Знак на светофоре поменялся: красная ладошка уступила место белой шагающей фигурке, – вот только переходить улицу было некому. Манхэттен без пешеходов – это не Манхэттен. Эф слышал сигналы автомобилей, доносившиеся с главных авеню, однако на боковых улицах было тихо – лишь изредка проносились случайные такси: сгорбленные водители за рулем, встревоженные пассажиры на задних сиденьях.

На следующем перекрестке Василий и Эф по привычке остановились: сигнал светофора сменился на красный.

– Как ты думаешь, – заговорил Гудвезер, – почему именно теперь? Если они так давно живут среди нас – многие столетия, – что спровоцировало нынешнюю ситуацию?

– Временной горизонт Владыки и наш горизонт – разные вещи, – ответил Фет. – Мы измеряем наши жизни днями и годами, живем по календарю. Он – Тварь ночи. Если его что и заботит, то только небо.

– Затмение, – внезапно догадался Эф. – Он ждал его.

– Может, это что-то и означает, – откликнулся Василий. – Что-то для него важное...

Из станции подземки вышел полицейский с нашивкой Управления городского транспорта. Он посмотрел в их сторону и остановил взгляд на Гудвезере.

– Черт!

Эф отвел глаза. Получилось плохо – и недостаточно быстро. И не вполне естественно.

Даже притом что полицейская система стремительно разваливалась, лицо Эфа то и дело мелькало на экранах, а люди все еще смотрели телевизоры, все еще ждали, что им скажут, как поступать.

Василий и Эф пошли дальше, и полицейский отвернулся.

«Это всего лишь параноя», – мысленно успокоил себя Эф.

Завернув за угол, полицейский, следуя точным инструкциям, набрал телефонный номер.

Блог Фета

Привет, мир.

Или что там от тебя осталось.

Раньше я думал, что нет ничего более бесполезного, чем писать в блоге.

Просто вообразить не мог более бессмысленного времяпрепровождения.

Кому какое дело до того, что ты хочешь сказать?!

Поэтому я и впрямь не знаю, зачем сижу и пишу тут.

Но мне это необходимо.

Думаю, по двум причинам.

Первая: мне нужно привести в порядок свои мысли. Выложить их на экран компьютера, где я мог бы эти мысли видеть и, возможно, хоть как-то уразуметь, что тут у нас происходит. То, что я испытал за последние несколько дней, изменило меня – в самом буквальном смысле, – и нужно вычислить, кто же я теперь.

А вторая причина?

Она проста. Выложить правду. Правду о том, что происходит.

Кто я такой? По роду занятий я крысолов. Если случилось так, что вы живете в Нью-Йорке и вдруг видите в своей ванной крысу, вы, конечно, вызываете службу по борьбе с вредителями...

Ну да, я и есть тот парень, что окажется на вашем пороге две недели спустя.

Вы привыкли сбрасывать грязную работу на меня. Я избавлял вас от вредителей. Истреблял паразитов.

Всё. Эти времена закончились.

Новая зараза распространяется по городу, а из него расплзается по миру. Новая порода диверсантов. Чума на дом рода человеческого.

Эти твари гнездятся в вашем подвале.

На вашем чердаке.

В ваших стенах.

И вот вам новость – всем новостям новость!

Что касается крыс, мышей, тараканов, лучший способ справиться с заразой – отрезать ее от источника пищи.

Ну да, все правильно, скажете вы.

Единственная проблема: что считать источником пищи для этой новой породы паразитов?

Этот источник – мы сами.

Вы и я.

Понимаете? На тот случай, если вы все еще не допетрили, что к чему, скажу: мы все по уши в страшном дерьме.

Округ Фэрфилд, штат Коннектикут

Это приземистое здание ничем не выделялось среди десятка таких же строений, разбросанных по территории, в которую упиралась старая разбитая дорога. Когда-то это был бизнес-парк, только он захирел еще до того, как на страну обрушилась рецессия. На здании сохранилась вывеска прежнего арендатора: «Промышленная группа Р. Л.». В прошлом это была фирма по прокату бронированных автомобилей, здесь же находился гараж, чем объясняется сохранившийся и поныне крепкий четырехметровый забор из сетки-рабицы, окружающий здание.

Ворота с электронным замком открывались с помощью карточки-ключа.

В гаражной части здания размещались кремовый «ягуар» доктора и целый парк черных автомобилей – кортеж, приличествующий сановнику крупного ранга.

Офисная часть была переоборудована в небольшую частную хирургическую клинику, предназначавшуюся для обслуживания одного-единственного пациента.

Элдрич Палмер лежал в послеоперационной палате. Он постепенно приходил в себя, ощущая обычный в таких случаях дискомфорт. Он пробуждался медленно, но решительно, проходя темным путем от беспометства к сознанию, как делал до этого уже много раз. Его хирургическая бригада хорошо знала пропорцию седативных и обезболивающих средств, подходящую именно этому пациенту. Врачи давно не погружали Палмера в глубокий наркоз. Учитывая его преклонный возраст, это было слишком рискованно. А для Палмера такой подход означал только одно: чем меньше анестетиков, тем быстрее к нему возвращается сознание.

Он все еще был подключен к аппаратам, проверявшим работу его новой печени. Донором на этот раз стал подросток – беженец из Сальвадора, прошедший тщательное медицинское обследование, которое не выявило ни болезней, ни наркотиков или алкоголя в крови. Печень была здоровой, молодой, розово-коричневатой, в грубом приближении треугольной формы, размерами схожей с мячом для игры в американский футбол. Ее доставили на реактивном самолете непосредственно перед операцией; с момента изъятия органа у донора прошло менее четырнадцати часов. По подсчетам самого Палмера, этот аллотрансплантат был его седьмой печенью. Тело Палмера справлялось с ними примерно так же, как кофеварка справляется с фильтрами.

У печени – а это одновременно и самый большой непарный внутренний орган человека, и самая большая железа – много жизненно важных функций: она отвечает за метаболизм, служит хранилищем гликогена, синтезирует белки плазмы крови, вырабатывает гормоны и очищает организм от ядов. Пока еще не придуман медицинский способ компенсации работы печени при ее отсутствии в теле человека – что самым несчастным образом отразилось на судьбе сальвадорского донора, не очень-то желавшего расставаться со своим столь нужным органом.

В углу палаты, вечно настороже, как и большинство отставных морпехов, стоял неусыпный господин Фицуильям, нянька Палмера, его телохранитель и постоянный компаньон. В помещение вошел хирург – все еще в маске, натягивая на руки свежую пару резиновых перчаток. Доктор был требователен, амбициозен и сказочно богат, даже по меркам хирургов высшего эшелона.

Он откинул простыню. Только что зашитый разрез был сделан на месте старого трансплантационного шва. Грудь Палмера являла собой живописное зрелище: безобразный узор бугристых шрамов. Внутренности же его торса можно было сравнить с хлебной корзиной, набитой затвердевшими ломтями чахнувших органов. Хирург так и сказал: «Боюсь, ваше

тело, господин Палмер, уже не способно принимать новые ткани или трансплантаты. Это конец».

Палмер улыбнулся. Его тело было ульем, содержащим органы других людей, и в этом смысле он не так уж сильно отличался от Владыки, который воплощал собой улей немертвых душ.

– Спасибо, доктор. Я понимаю. – Палмер все еще хрипел после интубационной трубки. – В сущности, я полагаю, вам пора подвести черту под хирургией. Я знаю, вас тревожит, как бы Американская медицинская ассоциация не заинтересовалась нашими процедурами отбора органов для трансплантации. Этим своим заявлением я освобождаю вас от дальнейших обязательств. Гонорар, который вы получите за проведенную операцию, будет последним. Мне больше не потребуются медицинские вмешательства. Никогда.

В глазах хирурга застыла нерешительность. Элдрич Палмер, человек, который все свои долгие годы провел в болезнях, обладал сверхъестественной волей к жизни, диким, не от мира сего инстинктом выживания – ничего подобного хирург не встречал в своей практике. Неужели Палмер решил наконец уступить неумолимой судьбе?

Не важно. Хирург почувствовал огромное облегчение, и душа его исполнилась благодарности. Он давно планировал уйти на пенсию, и теперь к этому все было готово. Какое блаженство – освободиться от любых обязательств в это смутное, беспокойное время! Он только надеялся, что самолеты в Гондурас все еще летают, а когда это здание сожгут дотла, пожар не повлечет за собой расследования, – вокруг и так хватало беспорядков.

Доктор проглотил свою отставку с вежливой улыбкой на лице и удалился под стальным взором господина Фицуильяма.

Палмер дал отдых глазам и позволил мыслям вернуться к тому моменту, когда Владыка, по вине старого дурака Сетракия, попал под удар солнечных лучей. В сложившейся ситуации Палмера интересовало только одно: что это все означало для него самого? – иных точек зрения он не признавал.

Случившееся только ускоряло ход событий, а это, в свою очередь, лишь приближало его собственное избавление от страданий.

Так или иначе, дни Палмера сочтены.

Сетракян. Насколько горьким было для него поражение? Или это больше походило на вкус пепла во рту?

Палмер не знал поражений. И не узнает уже никогда.

Много ли человек могут похвастаться тем же?

А Сетракян стоял, точно камень в стремнине бурной реки.

Стоял и в глупой гордыне своей считал, что мешает потоку, в то время как река, чего и следовало ожидать, на полной скорости обтекала его с обеих сторон.

Ах, тщета человеческая! Все начинается так многообещающе. И заканчивается так предсказуемо...

Теперь он задумался о Фонде Палмера. Так уж повелось среди сильнейших мира сего, что каждый из сверхбогатых называл какое-нибудь свое благотворительное заведение собственным именем. Этот фонд, единственная филантропическая организация во всей империи Палмера, использовал свои богатые ресурсы, чтобы организовать перевозку и лечение детишек – их набралось два полных автобуса, – пострадавших во время недавнего покрытия Солнца Луной. Детей поразила слепота в тот момент, когда они наблюдали за редким небесным явлением: это было результатом либо неосторожности – малолетки смотрели на затмившееся Солнце, не озаботившись защитой глаз, – либо коварного дефекта линз в целой партии детских защитных очков. Поставку некачественных очков удалось проследить – изготовителем была одна китайская фабрика, но дальше дело не пошло: след привел в Тайбэй, а там вместо склада или офиса обнаружился лишь незастроенный пустующий участок...

Фонд объявил, что не пожалеет ни сил, ни средств на восстановление здоровья несчастных детишек и адаптацию их к нормальной жизни. И действительно, Палмер только это и имел в виду.

Ибо Владыка повелел, чтоб было именно так.

Перл-стрит

Пересекая очередную улицу, Эф почувствовал, что их преследуют. Фет же все внимание сконцентрировал на крысах. Грызуны, выгнанные на поверхность, пулями носились от двери к двери, метались по залитым солнцем сточным канавкам, – очевидно, в их мирке царили хаос и паника.

– Посмотри-ка вон туда, наверх, – указал Фет.

То, что Эф сначала принял за голубей, рассеявшихся на карнизе, на самом деле оказалось сборищем крыс. Они смотрели вниз, наблюдая за Эфом и Фетом, и словно бы выжидали, желая понять, что эти двое будут делать дальше. Поведение крыс было наглядно и поучительно: они стали своеобразным индикатором распространения vampirской заразы по городскому подземелью, – заразы, которая изгоняла грызунов из гнездилищ. Что-то было такое в животных вибрациях, выпускаемых стригоями, – или, может, в этом проявлялось само зло, – что отпугивало все живое.

– Где-то поблизости крысиное гнездо, – сказал Фет.

Они подошли к какому-то бару и даже миновали его, как вдруг Эф почувствовал в глубине глотки отчетливый позыв. Гудвезер круто развернулся, возвратился и дернул дверь – она оказалась не заперта. Это был очень древний бар, его открыли более полутора столетия назад («старейшая, непрерывно действующая пивная во всем Нью-Йорке», – хвасталась вывеска), однако ни посетителей, ни бармена видно не было. Тишину нарушало лишь тихое бормотание телевизора высоко на стене в углу: работал новостной канал.

Василий и Эф прошли в заднюю комнату – там было темно и так же пустынно. На столах стояли кружки с недопитым пивом; на спинках нескольких стульев все еще висели пиджаки. Вечеринка оборвалась резко и для всех разом.

Гудвезер проверил туалетные комнаты – в мужской были большие древние писсуары, под которыми шел сточный желоб; как Эф и ожидал, в кабинках не оказалось ни души.

Он вернулся в заднюю комнату, шаркая ботинками по опилкам, усеивавшим пол. Фет уже пристроил свой ящик возле стола, выдвинул стул и уселся, давая отдых ногам.

Эф зашел за барную стойку. Ни одной бутылки со спиртным, никаких шейкеров или ведерок со льдом – лишь пивные краны и выстроившиеся в ожидании внизу на полках стеклянные кружки-полумерки, на треть литра каждая. Здесь подавали только пиво. Никаких крепких напитков, о которых мечтал Эф. Только фирменное пиво местного розлива – светлое или темное. Старые краны стояли тут для блезирю, а новенькие работали исправно – пиво шло ровной струей. Эф наполнил две кружки темным бочковым.

– Ну, за...

Фет поднялся, подошел к стойке и взял кружку:

– Смерть кровососам!

Эф отпил половину:

– Похоже, народ линял отсюда в спешке.

– Бегство – это их последний шанс, – сказал Фет, вытирая пену со своей пухлой верхней губы.

– Для всего города сейчас последний шанс, – ответил Гудвезер.

Их внимание привлек голос диктора, и они прошли в передний зал. Репортер вел прямую передачу из местечка возле Бронксвилла, родного города одного из четырех выживших с рейса 753. Небо на заднем плане заволочло дымом. Бегущая строка сообщала: «...БЕСПОРЯДКИ В БРОНКСВИЛЛЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...»

Эф протянул руку и сменил канал. «...БИРЖУ НА УОЛЛ-СТРИТ ЗАХЛЕСТЫВАЮТ ВОЛНЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СТРАХА... ВСПЫШКА НЕИЗВЕСТНОЙ БОЛЕЗНИ

ОСТАВЛЯЕТ ДАЛЕКО ПОЗАДИ ЭПИДЕМИЮ ГРИППА H1N1... РЕЗКИЙ РОСТ ИСЧЕЗ-
НОВЕНИЙ СРЕДИ САМИХ БРОКЕРОВ БИРЖИ...»

Показывали трейдеров, безвольно и неподвижно сидящих в зале биржи; средние рыночные курсы стремительно падали...

На кабельном канале «Нью-Йорк один» главной темой был транспорт: все выезды с Манхэттена забиты людьми, рвущимися покинуть остров в надежде опередить карантин, который, по слухам, вот-вот объявят. На самолеты и поезда все билеты уже были выкуплены, в аэропортах и на вокзале царил сущий хаос.

Эф услышал, как над домами пролетел вертолет. Да, пожалуй, сейчас «вертушки» – единственный простой способ сообщения с Манхэттеном. Если, конечно, у вас есть собственная вертолетная площадка. Как у Элдрича Палмера.

За стойкой бара Эф обнаружил настенный телефон – старой модели, с дисковым набором.

Сняв трубку, он услышал скрипучий гудок и терпеливо накрутил номер Сетракияна. Сигнал прошел, на другом конце провода голос Норы произнес:

– Алло.

– Как там Зак? – спросил Эф, не дожидаясь, пока она скажет что-нибудь еще.

– Ему лучше, – ответила Нора. – Какое-то время он был просто вне себя.

– Она не возвращалась?

– Нет. Сетракиян прогнал ее с крыши.

– С крыши? Боже правый.

Эф почувствовал, что его мутит. Он схватил чистую кружку и открыл пивной кран; от возбуждения ему казалось, что струя течет слишком медленно.

– Где Зак сейчас?

– Наверху. Хочешь, я позову его?

– Нет. Лучше нам побеседовать с глазу на глаз, когда я вернусь.

– Думаю, ты прав. Вы уничтожили гроб?

– Нет, – сказал Эф. – Он исчез.

– Исчез? – переспросила Нора.

– Очевидно, эта тварь не так уж сильно пострадала. Во всяком случае, скорости ей рана несколько не убавила. И еще... звучит довольно дико, но там внизу кто-то странно расписал стену красками из баллонов...

– Ты хочешь сказать, кто-то изрисовал стену граффити?

Эф похлопал себя по карману, проверяя, на месте ли розовый телефончик.

– Я снял рисунки на видео. Представления не имею, что все это значит.

Он на секунду отстранился от трубки, чтобы глотнуть еще пива.

– И вот что я тебе скажу. В городе... просто жутко. Очень тихо.

– Только не здесь, – сказала Нора. – Сейчас небольшое затишье, потому что рассвет, но долго оно не продлится. Кажется, солнце их уже не очень-то пугает. Похоже, они смелеют.

– Именно так, – согласился Эф. – Они обучаются, становятся умнее. Нужно выбираться оттуда. Сегодня же.

– То же самое только что говорил Сетракиян. Из-за Келли.

– Потому что она теперь знает, где мы прячемся?

– Потому что она знает. А то, что знает она, знает и Владыка.

Эф зажмурился и прижал ладонь к глазам, пытаясь отогнать головную боль.

– Понятно.

– Где вы сейчас?

– В финансовом районе, рядом со старой платформой Ферри. – Эф не упомянул, что они с Василием сидят в баре. – Фет знает, где раздобыть машину повместительнее. Как только заполучим ее, направимся к вам.

– Только... Пожалуйста, постарайтесь вернуться целыми. И людьми.

– Это и есть наш план.

Эф повесил трубку и пошарил под стойкой бара. Он искал какую-нибудь вместительную емкость под пиво, которое пригодится им при повторном спуске под землю. Не со стеклянной кружкой ведь идти. Он обнаружил старую фляжку, обтянутую кожей, смахнул пыль с медной крышки и вдруг углядел за фляжкой бутылку хорошего старого бренди. На бутылке пыли не было: должно быть, ее держал там бармен, чтобы прикладывать время от времени при монотонной раздаче пива. Эф сполоснул фляжку и принялся аккуратно наполнять ее, держа над маленькой раковиной, как вдруг услышал стук в дверь.

Он быстро обогнул стойку, направляясь к сумке с оружием, но, еще не дойдя до нее, сообразил: вампиры не стучат. Не останавливаясь, он миновал Фета и, осторожно выглянув в окно, увидел на улице доктора Эверетта Барнса, директора Центра по контролю и профилактике заболеваний. Сейчас на старом «сельском докторе с далекого Юга» не было адмиральской формы (ЦКПЗ начинал свою деятельность как подразделение Военно-морских сил США): директор Барнс вырядился в изысканный светлый костюм – сочетание цвета слоновой кости и белоснежного. Пиджак был расстегнут, поэтому директор имел вид человека, которого сорвали с позднего делового завтрака.

Эф осмотрел, насколько смог, улицу за спиной Барнса – судя по всему, директор был один, во всяком случае пока. Гудвезер отомкнул дверь и распахнул ее.

– Эфраим!

Гудвезер схватил директора за лацканы пиджака, втянул внутрь и тут же запер дверь.

– Вы здесь, – сказал он и снова осмотрел через окно улицу. – А где остальные?

Директор Барнс высвободился из цепких рук Эфа и одернул пиджак.

– У них приказ пока держаться в стороне. Однако не питайте никаких иллюзий – очень скоро они будут здесь. Я настоял, чтобы мне дали несколько минут переговорить с вами наедине.

– Господи ты боже! – воскликнул Эф, окинув взглядом крыши на противоположной стороне улицы, прежде чем отодвинуться от окна. – Как же они так быстро добрались сюда?

– Первым делом, Эфраим, я должен с вами поговорить, – ушел от ответа Барнс. – Никто не хочет причинить вам вред. Все это сделано по моему приказу.

Эф отвернулся от директора и направился к барной стойке.

– Возможно, это только ваши иллюзии, – пробормотал он.

– Нам важно, чтобы вы снова вошли в дело, – сказал Барнс, следуя за ним по пятам. – Вы нужны мне, Эфраим. Теперь я точно это знаю.

– Послушайте. – Гудвезер дошел до барной стойки и повернулся к директору. – Возможно, вы понимаете, что происходит. Возможно, вас уже используют, я этого пока не знаю. Вы, наверное, даже сами этого не знаете. Но за вашей спиной кто-то есть, кто-то очень могущественный, и, если я сейчас пойду с вами куда-либо, результат будет неопровержимый: меня выведут из строя или убьют. Либо со мной случится кое-что похуже.

– Я жажду выслушать вас, Эфраим. Что бы вы ни сказали. Перед вами стоит человек, полностью признавший свои ошибки. Теперь я понимаю, что мы оказались во власти чего-то сокрушительного, чего-то потустороннего.

– Не поТУстороннего, Барнс, а поЭТУстороннего.

Эф закрутил крышечку на фляжке с бренди. Внезапно позади Барнса возник Фет.

– Сколько у нас времени до их появления? – спросил он.

– Не так уж много, – ответил директор.

Он не представлял, чего ожидать от этого гигантского крысолова в грязном комбинезоне. Директор переключил внимание на Гудвезера и фляжку в его руках.

– Разве сейчас до выпивки? – спросил он.

– Как никогда, – отрезал Эф. – Налейте себе пива, если хотите. Рекомендую темное.

– Послушайте, я понимаю, что вам пришлось перенести многое...

– Знаете, Эверетт, все, что происходит со мной, на самом деле ничего не значит. Это вообще не обо мне, так что любые апелляции к моему «я» ни к чему вас не приведут. Что меня больше всего заботит сейчас, так это полуправда – или лучше сказать: откровенная ложь? – которая распространяется под эгидой ЦКПЗ. Разве вы больше не служите народу, Эверетт? Служите только вашему правительству?

Директор Барнс поморщился:

– Непременно и тому и другому.

– Слабый ответ, – сказал Гудвезер. – Неубедительный. Даже преступный.

– Вот почему необходимо, чтобы вы включились, Эфраим. Мне нужно свидетельство очевидца, ваш опыт...

– Слишком поздно! Неужели вы даже этого не понимаете?!

Барнс немножко отодвинулся от Эфа, искоса следя за Василием – Фет его нервировал.

– Вы были правы насчет Бронксвилла. Мы блокировали его.

– Блокировали? – вмешался крысолов. – Как?

– Обнесли колючей проволокой.

– Колючей проволокой? – горько рассмеялся Эф. – Господи боже, Эверетт! Именно это я и имел в виду. Вы реагируете скорее на людские страхи перед вирусами, а не на непосредственную угрозу. Хотите успокоить публику колючкой? Подарить ей символ? Да эти твари разорвут вашу проволоку голыми руками!..

– Тогда скажите. Скажите, что я должен делать. Что, по-вашему, нужно?

– Сначала уничтожьте трупы. Это шаг номер один.

– Уничтожить трупы?.. Вы же знаете, я не могу это сделать.

– Тогда во всех остальных действиях нет ни малейшего смысла. Вы должны выслать воинское подразделение, с тем чтобы они прочесали местность и уничтожили всех носителей вируса до последнего. Затем нужно проделать то же самое к югу от Бронксвилла, здесь, на Манхэттене, и севернее, в Бронксе и Бруклине.

– Вы говорите о массовом убийстве! Подумайте о видеозаписях, о визуальном ряде...

– Подумайте о реальности, Эверетт. Я такой же врач, как и вы. Но это новая реальность.

Мир изменился.

Фет отошел от них к окну и принялся наблюдать за улицей.

– Они не хотят, чтобы я помог людям, – сказал Эф. – Они хотят, чтобы я, по вашим словам, «включился», дабы нейтрализовать меня и тех, кто меня окружает. Вот!

Гудвезер шагнул к своей оружейной сумке и выхватив оттуда серебряный меч:

– Вот мой нынешний скальпель. Единственный способ вылечить этих тварей – освободить их от болезни. Отпустить их. Да, это означает массовое истребление. И никакого врачевания. Никакого. Вы хотите помочь? Вы действительно хотите помочь? Тогда ступайте на телевидение и скажите им. Скажите правду.

Барнс посмотрел на Фета.

– А кто это с вами? – спросил он. – Я ожидал увидеть доктора Мартинес.

Что-то в интонации Барнса, с которой он произнес фамилию Норы, показалось Эфу странным. Но он не успел поразмыслить над этим. Фет отпрянул от окна.

– Они идут, – предупредил Василий.

Эф рискнул подойти ближе к окну. Открывшегося вида было достаточно, чтобы разглядеть фургоны, перекрывшие улицу с обеих сторон. Фет прошел мимо Эфа, схватил Барнса

за локоть и, затащив его вглубь комнаты, усадил за стол в углу. Эф перекинул через плечо бейсбольную сумку и отнес Фету его ящик.

– Пожалуйста, – сказал Барнс. – Умоляю вас. Умоляю обоих. Я могу защитить вас.

– Слушай сюда, – оборвал его Фет. – Ты только что официально стал заложником.

Поэтому заткни гребаную пасть.

Повернувшись к Эфу, он спросил:

– Ну а теперь что? Как мы их удержим? Ультрафиолет не слишком хорош против ФБР.

В поисках ответа Эф осмотрел старую пивную: его окружали картинки и разного рода предметы, накопившиеся за полуторавековую историю заведения, – они висели на стенах, громоздились на полках за стойкой. Портреты Линкольна, Гарфилда, Мак-Кинли, бюст Джона Фицджеральда Кеннеди – всех президентов, павших от рук убийц. На стене среди таких безделиц, как мушкет, кружечка для бритвенного крема и некрологи в рамках, висел маленький серебряный кинжал.

Рядом – табличка: «Мы были здесь еще до вашего рождения».

Эф метнулся за барную стойку. Он распиная опилки, скрывавшие под собой массивное кольцо, утопленное в траченную временем деревянную крышку люка.

Подскочив сбоку, Фет помог поднять ее.

Вонь, ударившая снизу, поведала Эфу и Василию все, что им хотелось узнать. Аммиак.

Едкий запах свежего нашатыря.

Директор Барнс, все еще сидя в углу, подал голос:

– Они все равно пойдут за вами.

– Принимая в расчет запах, я бы не порекомендовал, – сказал Фет, спускаясь первым.

– Эверетт, – обратился к директору Эф, включая лампу черного света. – На случай, если все еще есть какое-то недопонимание, позвольте мне выразиться предельно ясно. Я увольняюсь.

Эф спустился за Фетом на дно подвала. Его лампа озаряла складское помещение, расположенное под пивной, неземным индиговым светом. Фет протянул руку, чтобы закрыть люк над головой.

– Оставь, – буркнул Эф. – Если Барнс такая сволочь, как я думаю, он уже во всю прыть мчит к дверям.

Фет внял совету и оставил люк открытым.

Потолок в подвале был низкий. Проход загромождала рухлядь, копившаяся десятилетиями: старые бочки, большие и маленькие, поломанные стулья, пустые стеллажи для стеклянной посуды, древняя посудомоечная машина промышленного образца... Фет обтянул лодыжки и запястья толстыми резиновыми манжетами – этому он научился в прошлые времена, когда ставил крысиные ловушки в квартирах, наводненных полчищами тараканов; опыт ему дался нелегко. Несколько манжет Василий протянул Эфу.

– От червей, – пояснил он, наглухо застегивая молнию на кармане комбинезона.

Эф прошел через подвал, осторожно ступая по каменному полу, и открыл боковую дверцу, ведущую в морозильную камеру – сейчас, конечно же, не холодную, а теплую. Камера была пуста.

Чуть дальше располагалась деревянная дверь со старой овальной ручкой-набалдашником. Пыль на полу перед дверью кто-то стер: от порога веером расходились полосы. Фет кивнул, и Эф рывком распахнул створку.

Главное – не колебаться. Главное – не думать. Эф давно этому научился. Никоим образом нельзя дать им время включить групповой инстинкт и загореться предвкушением – так уж они были устроены, что кто-то обязательно пожертвует собой, лишь бы остальные получили шанс добраться до тебя. У этих тварей жала, длина которых достигает полутора-двух

метров, и еще у них потрясающее ночное зрение, поэтому ни на секунду – ни на секунду! – нельзя останавливаться, пока не истребишь всех монстров до последнего.

Их самое уязвимое место – шея, так же как для вампиров самое удобное место на теле жертвы – горло. Перережь шейный отдел позвоночника – и уничтожишь тело, а заодно и тварь, которую оно в себе носит. Сильная потеря белой крови приводит вампира к тому же итогу, хотя кровопускание как способ убийства куда опаснее: капиллярные черви живут вне тела и снуют в поисках человеческой плоти для вторжения. Вот почему Фет обтягивал лодыжки и запястья резиновыми манжетами.

Первых двух вампиров Эф уничтожил способом, уже не раз доказавшим свою эффективность: сначала сунул в рожу синюю лампу на манер факела, чтобы тварь попятилась, затем отогнал и прижал ее к стене и лишь потом приблизился, чтобы нанести *coup de grâce*.⁵ Оружие из серебра действительно серьезно ранит вампиров и вызывает у них нечто похожее на человеческую боль, а ультрафиолет прожигает их ДНК, как пламя.

Фет использовал гвоздезабивной пистолет – он вколачивал в лица вампиров серебряные гвозди, чтобы ослепить или хотя бы дезориентировать их, а затем протыкал раздутые глотки. На мокром полу извивались высвободившиеся черви.

Пока Эф убивал одних паразитов ультрафиолетом, другие встречали свою смерть под жесткими подошвами Фетовых башмаков. Растоптав немалое количество этих созданий, Василий собрал останки в небольшую банку, которую достал из ящика.

– Это для старика, – пояснил он и вернулся к бойне.

В тот момент, когда они вытесняли вампиров в соседнее помещение, сверху, из бара, донеслись шаги и мужские голоса.

Внезапно рядом с Эфом вынырнул вампир – на нем все еще был барменский фартук – со страшно выпученными голодными глазами. Гудвезер наотмашь саданул тварь мечом, а затем отогнал синей лампой. С каждой новой схваткой Эф набирался опыта – он учился подавлять в себе свойственное врачам милосердие. Вампир забился в угол и жалостно зашелкал зубами, но Эф подошел и прикончил его.

Еще два-три вампира выскочили в дальнюю дверь, едва завидев индиговый свет. Но горстка все же осталась – монстры забились под разломанные полки и приготовились к атаке.

Фет встал рядом с товарищем, держа наготове лампу. Эф двинулся было к вампирам, но Василий удержал его за руку. Гудвезер тяжело дышал, а крысолов был спокоен, деловит, сосредоточен и действовал без малейших признаков беспокойства.

– погоди, – сказал Фет. – Оставь их для фэбээровских дружков Барнса.

Отдав должное идее Василия, Эф отступил от вампиров с лампой наготове.

– А теперь что? – спросил он.

– Остальные убежали. Там должен быть выход.

Эф взглянул на дальнюю дверь.

– Дай бог, ты прав, – молвил он.

* * *

Фет первым спустился в подземелье и пошел по следу высохшей мочи, призрачно светящейся в луче синей лампы. Из помещений под баром путь пролегал через целую систему подвалов, соединенных между собой вручную выкопанными тоннелями. Нашатырные следы вели в самых разных направлениях. Фет выбрал одну из трасс, уходившую в боковой тоннель.

⁵ Смертельный удар; букв. удар милосердия (*фр.*).

– Мне это нравится, – сказал он, остановившись, чтобы оббить грязь с башмаков. – Все равно что охота на крыс. Там вот так же идешь по следу. С ультрафиолетом даже проще.

– Но как они прознали про эти маршруты? – удивился Эф.

– Они тут трудились не покладая рук. Разведывали ходы, искали пропитание. Ты когда-нибудь слышал такое название – Волстедская сеть?

– Волстедская сеть? Как Волстедский акт? Ты имеешь в виду сухой закон?

– Ну да. Тогда ресторанам, барам, всяким ночным заведениям, где нелегально продавали спиртное, пришлось открыть подвалы, чтобы уйти в подполье в буквальном смысле. Это город, который постоянно достраивает сам себя. Вообрази, что все подвалы и подземные помещения соединены тоннелями, акведуками, трубами старых коммуникаций... Поговаривают, что можно переходить из квартала в квартал, из района в район, вообще не поднимаясь на поверхность. Из любой точки города в любую другую точку...

– Дом Боливара!

Эф вспомнил о рок-звезде, одном из четырех выживших пассажиров рейса 753. Габриэль Боливар выбрал для жилья старое бутлегерское заведение, под которым был обустроен тайный винный погреб, имевший выход в сеть подземных тоннелей.

Они миновали еще один боковой тоннель. Эф оглянулся, проверяя, нет ли погони.

– Откуда ты знаешь, куда идти? – спросил он Василия.

Фет показал еще на один знак, процарапанный в камне – возможно, затвердевшим когтем какой-нибудь твари.

– Что-то за этим кроется, – сказал он. – Как пить дать. Держу пари, что платформа старой кольцевой не более чем в двух кварталах отсюда.

Назарет, Пенсильвания

Августин...

Августин Элисальде поднялся на ноги. Он стоял в хаосе абсолютной темноты. В крошечном осязаемом чернильном мраке, лишенном даже намека на проблеск света. Типа космоса, только без звезд. Он поморгал, желая удостовериться, что глаза открыты. И они таки были открыты. Никаких изменений.

Это смерть? Нигде на белом свете не может быть так темно.

Должно быть, смерть. Так и есть. Он гребаный жмурик.

Или... может, они уже обратили его? Может, он теперь вампир? Тело отобрали, а эта старая его часть, способная думать, заперта в темноте мозга, как пленник на чердаке. Может, прохлада вокруг и твердость пола под ногами – всего лишь проделки разума, возмещающего отсутствие ощущений, и он навсегда замурован внутри собственной головы?

Гус присел, пытаясь увериться в своем существовании за счет движений и отдачи органов чувств. Слегка закружилась голова – глазам не на чем было сфокусироваться, – поэтому он пошире расставил ноги, затем протянул руку вверх, подпрыгнул, но до потолка не достал.

Его рубашка колыхнулась от легкого ветерка. Пахло грунтом.

Почвой.

Он был под землей. Похоронен заживо.

Августин...

Вот, снова. Голос матери. Она звала его, как бывало во сне.

– Мама?

Его вопрос вернулся эхом, и Гус вздрогнул. Он вспомнил маму в том виде, в каком оставил ее: она сидела в своей спальне, в стенном шкафу, под грудой сброшенной с вешалок одежды. Сидела и плотоядно смотрела на сына, обуреваемая голодом новообращенной.

«Вампиры», – сказал тот старик.

Гус повертелся на месте, пытаясь угадать, откуда донесся голос. Ему не оставалось ничего, кроме как следовать за этим звуком.

Он сделал несколько шагов, уткнулся в каменную стену и попытался нащупать дорогу дальше, водя руками по гладкой, слегка изгибавшейся поверхности. Его воспаленные ладони все еще кровоточили – в местах соприкосновения с осколком стекла, которым он орудовал, убивая (нет – уничтожая!) своего брата, обернувшегося вампиром. Гус остановился, ощупал запястья и понял, что наручников, которые он таскал с момента бегства из-под стражи – «браслеты» были соединены цепочкой, но цепочку расстреляли из арбалета охотники, – этих наручников больше не было.

Охотники... Они и сами оказались вампирами. Появились откуда ни возьмись на той улочке в Морнингсайд-Хайтс и вступили в сражение с другими вампирами – ни дать ни взять бой двух группировок в гангстерской войне. Только вот охотники были хорошо экипированы. Вооружены до зубов; отличная координация действий. Колесили на машинах. Ничего похожего на тех кровожадных недоумков, с которыми Гус столкнулся ранее. Столкнулся и уничтожил.

Последнее, что он помнил, – как его закинули на заднее сиденье внедорожника. Но – почему именно его?

Легкое дуновение ветерка снова скользнуло по лицу – как последний вздох самой матери-природы, – и Гус последовал за ним, надеясь, что движется в верном направлении. Стена закончилась углом. Он попробовал нащупать поверхность напротив, слева от себя, и обнаружил то же самое – стена обрывалась острым углом. Посредине была пустота. Словно дверной проем.

Гус наугад прошел немного вперед, и эхо его шагов подсказало, что помещение, куда он попал, шире предыдущего, с более высоким потолком. Здесь тоже ощущался легкий запах, странно знакомый. Гус попытался распознать его.

Есть! Так пахла чистящая жидкость, которой он пользовался в тюрьме, когда получал наряд на уборку. Нашатырный спирт. Пахло слабо, не так, чтобы щипало в носу.

Затем что-то изменилось. Гус подумал было, что мозг опять играет с ним шутки, но быстро осознал: нет, в помещении действительно светлело, только очень медленно. Это – и еще общая неясность ситуации – наполняли его душу ужасом. Наконец он различил две лампы на треножниках, они, широко расставленные у дальних стен, постепенно наливались светом, разбавляя густую черноту.

Гус прижал к бокам полусогнутые руки и сильно напрягся, как это делают мастера смешанных боевых искусств, которых он видел в Интернете. Лампы все разгорались, но очень медленно, едва различимо. Однако зрачки Гуса так расширились в темноте, а сетчатка настроилась так чутко, что глаза среагировали бы на любой источник света.

Поначалу Гус его не распознал. Существо стояло прямо перед ним, не более чем в трех-четырех метрах, но голова его и конечности были настолько бледны, недвижны и гладки, что зрение воспринимало их как часть каменной стены.

Единственное, что выделялось, – пара симметричных темных отверстий. Не черных, но почти черных.

А на самом деле – глубочайшего красного цвета. Кроваво-красного.

Если это и были глаза, они не моргали. И не сверлили Гуса взором. Они смотрели на него поразительно бесстрастно. Эти глаза были равнодушны, точно пара красных камней. Налитые кровью глаза, которые уже увидели все, что только можно увидеть.

Гус разобрал контур одеяния на теле существа – оно сливалось с темнотой, словно черная плоскость в черном провале. Если Гус правильно оценивал масштаб вещей, существо было высокого роста. Неподвижность его казалась покоем самой смерти. Гус тоже стоял не шевелясь.

– Ну и что это все значит? – спросил он.

Голос прозвучал даже забавно – тонко и пискляво, выдавая страх.

– Думаешь, сегодня у тебя на ужин мексиканец? Я б на твоём месте пораскинул мозгами еще разок. Давай подходи, подавись мною, сука!

Существо излучало такую тишину и такое спокойствие, как если бы Гус взирал на статую, обряженную в платье. Его череп был безволосым и гладким, совершенно гладким, даже ушные хрящи отсутствовали. Только сейчас до Гуса донесся какой-то звук: он услышал – скорее почувствовал, чем услышал – тихую вибрацию, что-то вроде гудения.

– Ну, – сказал он ничего не выражающим глазам. – Чего ждешь? Хочешь поиграть со жратвой, прежде чем слопать? – Гус поднес кулаки ближе к лицу. – Я тебе не гребаная чалупа⁶ какая-нибудь, слышь, ты, кусок дерьма?

Что-то иное, нежели движение, привлекло его внимание – где-то справа, – и Гус увидел еще одно существо. Оно стояло как часть стены, чуть меньше ростом, чем первое, глаза другой формы, но столь же бесчувственные.

А затем слева медленно – так, во всяком случае, воспринял это Гус – проступило третье.

Гусу, который был знаком с судебными процедурами не понаслышке, показалось, будто он предстал перед тремя судьями-пришельцами в каком-то каменном застенке. Мозг его просто выскакивал из черепа, но единственное, что он мог противопоставить всему этому, был

⁶ Чалупа – мексиканское блюдо: плоская хрустящая корзиночка с начинкой из мяса и овощей. Популярная еда в американской сети закусокных «Тако белл».

словесный понос. Говорить, не закрывая рта, – вот главное правило. Если тебя обвиняют в групповухе – надо строить из себя не просто участника, но организатора и зачинщика. Судьи, перед которыми он орал всякие непотребства, называли это «неуважением к суду». Гус называл это «противостоянием». Он всегда поступал так, когда чувствовал, что на него смотрят сверху вниз. Когда ощущал, что к нему относятся не как к уникальной личности, а как к некой докуче, препятствию на пути.

Мы будем кратки.

Гус вскинул руки к вискам. Нет, уши здесь ни при чем – голос звучал где-то в его голове. Он исходил из той же самой части мозга, где брали начало его собственные внутренние монологи, – будто какая-то пиратская радиостанция начала вещать на его волне.

Ты Августин Элисальде.

Он сжал голову руками, но голос крепко сидел внутри. Не выключишь.

– Ну да, я в курсе. А вот вы что за дерьмо? И как вы забрались в мою...

Ты здесь не как пропитание. У нас под рукой полно живого материала, хватит на весь снежный сезон.

«Живого материала?»

– А-а, то есть людей?

До этого момента Гус по временам слышал в пещерах крики страданий и боли, эхом отдававшиеся под сводами, но думал, что это голоса из его снов.

Животноводство свободного выгула многие тысячелетия обеспечивало наши потребности. Глухие твари служат изобильным источником пищи. В определенных обстоятельствах становишься необыкновенно изобретательным.

Гус едва понимал слова, он хотел быстрее добраться до сути.

– То есть... Ты хочешь сказать, вы не собираетесь превращать меня в... в одного из вас?

Наша древняя родословная чиста. Присоединиться к нашему роду – большая привилегия. Это награда, совершенно уникальная, и заслужить ее можно только очень, очень дорогой ценой.

Гус не имел ни малейшего представления, о чем они говорят.

– Если вы не собираетесь пить мою кровь, то что, черт побери, вам от меня нужно?

У нас есть предложение.

– Предложение? – Гус несколько раз стукнул кулаком по своей голове, словно по неисправному прибору. – Ну что ж. Я весь гребаное внимание. Если у меня нет другого выбора...

Нам нужен слуга для работы при свете дня. Охотник. Мы ночная раса, вы дневные существа.

– Дневные существа?

Ваш эндогенный циркадный ритм прямо соответствует циклу света и мрака, который вы называете сутками. Природные биологические часы вашего вида соответствуют небесному расписанию этой планеты, у нас же все наоборот. Ты – существо солнца.

– Что за хрень ты несешь?

Нам нужен кто-то, кто мог бы свободно перемещаться с места на место в дневные часы. Кто-то, кто мог бы выдерживать длительное воздействие солнечных лучей и, по сути, использовать их силу, так же как любое другое оружие, находящееся в его распоряжении, для истребления нечистых.

– Для истребления нечистых? Вы ведь вампиры? Вы что, хотите сказать, я нужен в качестве убийцы ваших собратьев?

Нет, не наших братьев. Нечистый штамм, который столь беспорядочно распространяется среди вашего народа, – сущее наказание. Он вышел из-под контроля.

– А чего вы ожидали?

Мы не имеем к этому отношения. Стоящие перед тобой существа являют собой образцы чести и благоразумия. Та зараза не что иное, как нарушенное перемирие, нарушенное равновесие, которое длилось веками. Для нас это смертельное оскорбление.

Гус отступил на десяток сантиметров. Ему представилось, что он и впрямь начал кое-что понимать.

– Ага. Значит, кто-то пытается рулить в вашем квартале? – перевел он услышанное на свой язык.

Мы не размножаемся бессистемно и хаотично, как вы. Для нас процесс продолжения рода – вопрос, требующий тщательного рассмотрения.

– То есть вы разборчивы в еде.

Мы едим, что хотим. Пища – это пища. Насытившись, мы избавляемся от сосуда.

Гуса распирало от смеха, он чуть не задохнулся. Эти твари говорят о людях, словно покупают их по три штуки за доллар в лавке за углом.

Ты находишь это забавным?

– Нет. Как раз наоборот. Потому и смеюсь.

Съев яблоко, ты выбрасываешь сердцевину? Или собираешь семена, чтобы посадить новые деревья?

– Полагаю, все же выбрасываю.

А пластиковый контейнер? Что ты делаешь с ним, поглотив содержимое?

– Ясно, я понял. Вы опрокидываете несколько литров крови, а затем выбрасываете человека-бутылку. Но вот что я хочу знать. Почему выбор пал на меня?

Потому что нам кажется, что ты наделен некоторыми способностями.

– Откуда вы это взяли?

В частности, из твоего полицейского досье – перечня приводов и судимостей. Ты привлек наше внимание после ареста за убийство на Манхэттене.

Ясно, это они о том голом жирном парне, что безумствовал на Таймс-сквер. Верзила напал на семейство, мирно стоявшее на островке безопасности, и Гус тогда подумал, типа, «только не в моем городе, урод!». Теперь он, конечно, жалел, что не остался в стороне, как все остальные.

Затем ты убежал из-под стражи и, спасаясь, убил еще несколько нечистых.

Гус нахмурился:

– Один из тех нечистых был моим другом. Откуда вы все знаете, если сидите под землей в этой сраной дыре?

Будь уверен, мы связаны с миром людей на самом высоком уровне. Но коль скоро равновесие должно сохраняться, мы не можем допустить, чтобы нас раскрыли; между тем именно разоблачением угрожает нам сейчас это отродье, штамм нечистых. И вот здесь в игру вступаешь ты.

– Типа войны группировок. Это понимаю. Но вы упустили кое-что очень важное: а какого хрена я должен вам помогать?

По трем причинам.

– Начинаю загигать пальцы.

Первая. Ты выйдешь из этой комнаты живым.

– Годится.

Вторая. Если преуспеешь в нашем деле, разбогатеешь так, как даже в мечтах не мог вообразить.

– Хм. Ну, не знаю. Вообще, у меня довольно живое воображение.

Третья причина... Прямо за твоей спиной.

Гус обернулся. Сначала он увидел охотника – одного из тех мерзких вампов, которые схватили его на улице. Голову вампира скрывал черный капюшон, но из-под него пылали красные глаза.

Возле охотника стояла вампирша, всем своим видом выражавшая глубинный позыв голода – того голода, который нынешнему Гусу был уже очень хорошо знаком. Невысокого роста, грузная, со спутанными черными волосами, в рваном домашнем платье. Вздутие на шее явно указывало на внутреннее устройство ее горла – там сидело жало.

Над грудью, в основании обметанного мыска платья, виднелось довольно грубо выполненное черно-красное распятие – татуировка, которую она сделала в молодости и о которой впоследствии, по ее словам, очень жалела; как бы то ни было, в свое время это тату смотрелось очень круто, и, что бы она ни говорила, на маленького Густо, сколько он себя помнил, рисунок производил очень сильное впечатление.

Мама. Ее глаза были завязаны какой-то грязной тряпкой. Гус видел, как ходит ходуном ее горло – жало требовало пищи.

Она чувствует тебя. Но нельзя открывать ей глаза. Внутри ее живет воля нашего врага. Он видит ее глазами. Слышит ее ушами. Мы не можем долго держать ее в этом помещении.

Гуса захлестнули слезы дикой злобы. Страшная тоска пронизала болью его тело, накрыла яростью. Лет с одиннадцати он не доставлял маме ничего, кроме стыда и позора. И вот теперь она стоит перед ним – чудовище, монстр, мертвая тварь.

Парень снова повернулся к тем троем. Переполняемый гневом, он отчетливо понимал: здесь, в этой обстановке, он бессилен.

Третья причина. Ты должен ОТПУСТИТЬ ее, дать ей волю.

Августин заплакал. Это были сухие рыдания – как сухой кашель или сухая рвота. Его тошнило от всей этой ситуации, она приводила его в ужас, и все же...

Он опять повернулся к матери. Получалось, что ее словно бы похитили. Да, похитили. Ее взял заложницей тот самый «нечистый» штамм вампиров, о котором говорили эти трое.

– Мама, – промолвил Гус.

Она явно слышала его, но внешне это никак не проявилось.

Укокошить брата, Криспина, было легко, потому что они всегда недолюбливали друг друга. Криспин был наркоманом и еще большим позором, чем Гус. Убийство Криспина – делов-то, вогнал ему в шею тот осколок зеркала – было образцом эффективности: два в одном – семейная терапия плюс вынос мусора. Ярость, копившаяся десятилетиями, выходила из Гуса с каждым движением осколка, перерезавшего шею брата.

Но избавить *madre* от проклятия – совсем другое. Это будет акт любви...

Мама Гуса исчезла из помещения, однако охотник остался. Гус взглянул на троицу. Он видел их теперь гораздо лучше. Жуткие твари – еще более жуткие в своей неподвижности. За все время они даже не шевельнулись.

Мы обеспечим тебя всем необходимым. Материальная поддержка не представляет для нас проблемы: по ходу времени мы накопили несметные человеческие богатства.

Многие века те, кто получил от вампиров дар вечности, платили за это целыми состояниями. В своих подвалах Патриархи сохранили месопотамские серебряные кольца и обручи, византийские монеты, золотые соверены и немецкие марки. Та или иная валюта сама по себе ничего не значила для них. Что деньги? Не более чем ракушки для торговли с аборигенами.

– Значит... вы хотите сделать меня... добытчиком, так, что ли?

Господин Квинлан снабдит тебя всем необходимым. Всем, что ты пожелаешь. Он наш лучший охотник. Очень квалифицированный и очень преданный. Во многих отношениях – уникальный. Единственное ограничение – соблюдение тайны. О нашем существовании никто не должен знать – это задача первостепенной важности. Мы оставляем тебе под-

бор других охотников, таких же, как ты сам. Невидимых, никому не известных искусных убийц.

Гус едва не взбрыкнул, как необъезженный жеребец, однако сдержался – он словно бы почувствовал, как неизвестно куда подевавшаяся мама снова возникла за его спиной и изо всех сил натянула уздечку. Искусные убийства... Вот где его гнев найдет выход. Возможно, это как раз то, что ему нужно.

Губы Августина Элисальде изогнулись в злобной ухмылке. Ему нужна рабочая сила. Ему нужны убийцы.

И он точно знал, где их искать.

Межрайонная скоростная транспортная система. Внутренняя платформа станции «Саут-Ферри»

Фет, ошибившись только в одном повороте, провел Эфа в тоннель, выходящий к заброшенной внутренней платформе станции «Саут-Ферри». Десятки станций-призраков испещряли линии МССП, «Инда» и БМТ.⁷ Их больше нет на картах подземки, однако из окон составов, совершающих регулярные рейсы по действующим линиям, эти станции все-таки можно разглядеть – если знать, куда и когда смотреть.

Климат под землей более влажный, чем в других местах; под ногами сырость, стены на ощупь скользкие, по ним сочится вода, словно камни истекают слезами.

Светящийся след выделений стригоев совсем истончился. Фет озадаченно огляделся по сторонам. Он знал, что маршрут, пролегающий под самым началом Бродвея, составлял часть первоначального плана подземки: станция «Саут-Ферри» приняла первых пассажиров еще в 1905-м. А три года спустя открыли подводный тоннель, соединяющий Манхэттен с Бруклином.

Высоко на стене виднелась керамическая плитка, сохранившаяся с тех давних времен, – в мозаичный узор вплетались первые буквы названия станции: «SF».⁸ Рядом – уже современная табличка с нелепой надписью: «ОСТАНОВКИ ПОЕЗДОВ НЕТ». Как будто все только и делали, что по ошибке здесь останавливались. Эф заглянул в небольшую нишу, служившую техническим помещением, и посветил синей лампой.

Из темноты донеслось хихиканье.

– Вы из МССП? – спросил чей-то голос.

Эф сначала учуял человека и лишь потом увидел его. Из углубления в стене – там на полу валялись грязные изодранные матрасы – выдвинулось нечто: беззубое чучело в многослойном одеянии из напаянных друг на друга рубашек, штанов и пальто. Вонь его тела, упорно просачивавшаяся сквозь тряпье, выдерживалась годами, как старое вино.

– Нет. – Фет взял переговоры в свои руки. – Мы никого не собираемся выковыривать отсюда.

Мужчина окинул пришельцев цепким взором, быстро оценив, можно ли им доверять.

– Меня звать Безум-Ник, – сказал он. – Вы сверху?

– Ну да, – ответил Эф.

– И как там? Я здесь один из последних.

– Из последних? – переспросил Эф.

Он только теперь различил поблизости контуры ветхих палаток и картонных конурок. Спустя несколько секунд появилось еще несколько призрачных фигур. Это были «люди-кроты» эпохи Джулиани,⁹ обитатели городской пучины, обездоленные, лишённые всяких прав, реальные следствия теории «разбитых окон».¹⁰ Вот куда они забились в конце концов

⁷ МССП – Межрайонная скоростная система перевозок, наиболее загруженная линия подземки Нью-Йорка; соединяет Бруклин с Бронксом через Манхэттен. «Инда», или «Индепендент», – линия, соединяющая Бруклин, Куинс, Манхэттен и Бронкс. БМТ – линия, соединяющая Бруклин, Куинс и Манхэттен.

⁸ SF, South Ferry (англ.) – Южный паром.

⁹ Джулиани Рудольф – американский политический деятель, мэр Нью-Йорка в 1994–2001 гг.; отличался непримиримостью к нарушителям городских законов.

¹⁰ Теория «разбитых окон» – криминологическая концепция, предложенная социологами Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом в 1982 г. «Разбитые окна» в данном случае – симптом ненормативного поведения, городских беспорядков и вандализма. Вот цитата из статьи ученых: «Представьте себе здание с несколькими разбитыми окнами. Если никто не вставит стекла, скорее всего, вандалы разобьют еще несколько окон. Со временем они могут вломиться в здание и, если дом не занят, устроиться там на жительство или начать разжигать костры. А теперь представьте себе тротуар. На нем накапливается мусор. Со временем мусора становится все больше. В конечном итоге люди начнут вываливать там мусор меш-

– на самое дно города, где тепло круглые сутки, изо дня в день, даже в самые жуткие зимние холода. При некотором везении и определенном опыте на таких подземных «стоянках» можно было жить по шесть месяцев кряду, а то и больше. Некоторые же кроты, те, что держались подальше от шумных станций, оставались здесь годами, ни разу не попадаясь на глаза ремонтным бригадам.

Безум-Ник взирал на Эфа, слегка повернув голову, чтоб было удобнее его единственному зрячему глазу – второй скрывался под молочным, зернистым, как рисовая каша, бельмом.

– Ну да. Большинство колонии разбежалось – прям как крысы. Да, парень, так-то. Исчезли, побросав свои очень даже приличные вещи.

Он широким жестом обвел кучи барахла: рваные спальные мешки, грязные башмаки, несколько потрепанных пальто. Фет почувствовал острый приступ жалости. Он знал: эта ветошь представляла собой все земные блага, все имущество тех, кто недавно покинул сей мир.

Безум-Ник улыбнулся, но без тени теплоты на лице:

– Необычно, да, парень? Просто мороз по коже.

Фет вспомнил статью, которую прочитал когда-то в журнале «Нэшнл джиографик», – а может, видел сюжет по каналу «История», – где рассказывалось об одной колонии переселенцев, обосновавшейся в Новом Свете еще в доамериканские времена, вроде бы на острове Роанок. В один прекрасный день эта колония исчезла. Более ста человек сгинули неведомо куда, бросив все свои пожитки и не оставив никаких намеков на то, что означал этот внезапный и таинственный исход, кроме двух загадочных надписей: слова «Кроатон», начертанного на одном из столбов в покинутом форте, и трех букв «кро», прорезанных в коре дерева.

Фет снова устремил взор к мозаичным инициалам «SF», выложенным плиткой высоко на стене.

– А ведь я тебя знаю, – сказал Эф, держась на некотором расстоянии от истекающего вонью Безум-Ника. – Я тебя видел в этих местах... То есть не здесь, а там, на улице. – Гуд-везер ткнул пальцем вверх, в сторону поверхности. – Ты обычно ходишь с картонкой, на которой написано: «Бог следит за вами», или что-то в этом роде.

Безум-Ник улыбнулся, подтвердив едва ли не полное отсутствие зубов, нырнул в свою пещеру и, гордый оттого, что его признали знаменитостью, вытащил нарисованный от руки плакатик. Ярко-красные буквы гласили: «Бог следит за тобой!!!» – именно так, с тремя восклицательными знаками.

По сути, Безум-Ник был фанатиком, в своем исступлении почти дошедшим до мании величия. Здесь, внизу, он был изгоем из изгоев. Жил под землей так же долго, как и все остальные, а может, гораздо дольше. Он утверждал, что может добраться до любой точки города, не выходя на поверхность, – и все же ему явно не хватало умения мочиться, не орошая носки собственных башмаков.

Безум-Ник двинулся вдоль рельсов, знаком предложив Эфу и Фету следовать за ним. По пути он скрылся в какой-то хибаре, сложенной из деревянных поддонов и покрытой сверху брезентом, – внутри змеились старые обгрызенные провода удлинителей, уходившие куда-то сквозь крышу сооружения: видимо, они были подсоединены к некоему скрытому источнику электричества обширной энергосети огромного города.

Со свода тоннеля тихонько сочилась вода – ее источали трубы, проложенные сверху. Капли шлепались в грязь, превращая ее в месиво, барабанили по брезенту, покрывавшему

ками или же взламывать чужие машины». Иначе говоря, несоблюдение людьми принятых норм поведения провоцирует окружающих также забыть о правилах. Некоторые эмпирические исследования подтверждают теорию, хотя она до сих пор подвергается серьезной социологической критике.

хибару Безум-Ника, и стекали в специально приготовленную пластиковую бутылку из-под «Гаторейда».

Безум-Ник выдвинулся задом из хибары, таща за собой старый предвыборный реквизит – вырезанную из твердого картона фигуру бывшего мэра Нью-Йорка Эда Коха с его фирменной улыбкой на лице – мол, «ну, как я вам?».

– Вот, – сказал Безум-Ник, передавая Эфу здоровенную, в человеческий рост, фигуру. – Держи.

Затем крот провел их к дальнему тоннелю и показал рукой вниз – на рельсы, исчезающие в темноте:

– Вон прямо туда. Туда они все и ушли.

– Кто? Люди? – спросил Эф, поставив мэра Коха рядом с собой. – Они ушли в тоннель?

Безум-Ник рассмеялся:

– Нет, не просто в тоннель, дурья твоя башка. Вниз. Туда, где трубопровод за поворотом ныряет под Ист-Ривер. Дальше он идет через Губернаторский остров, а затем выходит уже в Бруклине, в районе Ред-Хук. Вот куда их забрали.

– Их? Забрали? – тупо переспросил Эф, почувствовав, как по его спине пробежал холодок. – Кто? Кто их забрал?

В ту же секунду неподалеку зажегся сигнал семафора. Эф отпрянул от рельсов.

– Разве этот путь все еще действует? – воскликнул он.

– Поезд пятой линии по-прежнему разворачивается по внутренней петле, – объяснил Фет.

– Этот парень кое-что понимает в поездах. – Безум-Ник сплюнул на рельсы.

По мере приближения поезда свет в тоннеле прибывал – станция заполнилась сиянием и даже будто бы на несколько секунд вернулась к жизни. Мэр Кох под рукой Эфа заходил ходуном.

– А теперь смотрите во все глаза, – сказал Безум-Ник. – И не моргайте!

Он прикрыл рукой незрячий глаз и улыбнулся самой беззубой из своих улыбок.

Поезд с грохотом промчался мимо и пошел на разворот даже немного быстрее обычного. Вагоны были почти пусты – сквозь стекла удалось различить не более одного-двух сидящих у окон человек, да еще там-сям виднелись фигуры стоящих пассажиров, державшихся за ремни. Неупокоенные наземники, перемещающиеся из одного мира в другой.

Когда мимо проносился конец поезда, Безум-Ник ухватил Эфа за локоть:

– Вон... Вон там...

В мерцающем свете уходящего поезда Фет и Эф увидели что-то в его хвостовой части. Это была гроздь фигур... тел... людей, распластавшихся по торцу вагона. Они льнули к нему, как рыбы-прилипалы, решившие прокатиться на стальной акуле.

– Видите? – возбужденно выкрикнул Безум-Ник. – Всех видите? Это они – Другие.

Высвободив локоть из хватки Безум-Ника, Эф отступил на несколько шагов и от него, и от мэра Коха. Поезд заканчивал разворот по внутренней петле, последний вагон уменьшался, уходя в темноту; свет в тоннеле исчезал, словно вода в сливном отверстии.

Безум-Ник протиснулся между Василием и Эфом, спеша вернуться в свою пещеру.

– Нужно ведь что-то делать. Вы, парни, появились вовремя, без вас я ничего и не понял бы. Те, Другие, – это темные ангелы конца дней. Они нас всех похватают, дай им только волю.

Фет сделал несколько нерешительных шагов, словно собираясь отправиться вслед за поездом, затем остановился и, повернувшись, взглянул на Эфа.

– Тоннели, – догадался он. – Вот как они перебираются на другой берег. Они же не могут пересекать движущуюся воду. Я имею в виду – без помощи людей.

Эф в одну секунду оказался рядом с ним.

– А под водой – могут. Тут им ничто не мешает.

– Прогресс, – сказал Фет. – Вот к какой беде он нас привел. Как это называется, когда ты понимаешь, что можешь безнаказанно пожитья каким-нибудь дерьмом, потому что никто не придумал это запретить?

– Лазейка, – произнес Эф.

– Точно. Вот это она и есть. – Фет развел руки, словно обнимая все пространство вокруг. – Мы только что обнаружили огромный зияющий лаз.

Междугородный автобус

Вскоре после полудня роскошный междугородный автобус выехал со стоянки Приюта для слепых имени святой Люции штата Нью-Джерси и двинулся в направлении привилегированной частной школы-интерната, расположенной в северной части штата Нью-Йорк.

У водителя был вагон глупейших историй и еще маленькая тележка избитых анекдотов, и он без умолку развлекал своих пассажиров – около шестидесяти напуганных детишек в возрасте от семи до двенадцати лет. Истории болезней этих малолеток были тщательно отобраны в травматологических отделениях больниц трех штатов. Все дети недавно серьезно пострадали – они ослепли во время покрытия Солнца Луной. Для многих это была первая поездка в жизни без родителей.

Всем маленьким пациентам предложили стипендии Фонда Палмера, которые покрыли и эту ознакомительную загородную поездку, и содержание в специально оборудованном заведении для недавно ослепших, где детям предстояло пройти курс адаптивной терапии. Сопровождали их девять выпускников Приюта имени святой Люции. Формально они были слепы, иначе говоря, острота их центрального зрения снизилась в десять и более раз, но остаточное световосприятие сохранялось. Клинический диагноз, поставленный их подопечным, выражался буквами ПОС – «полное отсутствие световосприятия», то есть дети были абсолютно слепы. Во всем автобусе единственным зрячим был водитель.

Во многих местах двигались медленно из-за пробок, буквально взявших Нью-Йорк в кольцо, но шофер неустанно развлекал ребятишек, добродушно подшучивая над ними и загадывая загадки. Время от времени он рассказывал им о поездке, или описывал интересные вещи, которые видел из окна, или просто придумывал какие-нибудь детали пейзажа, чтобы сделать обыденное интересным. Водитель давно работал в Приюте имени святой Люции и не имел ничего против роли клоуна. Он знал: один из главных способов раскрыть потенциал этих покалеченных детей и подготовить их души к тем испытаниям, что ждут их впереди, – это питать их воображение, включать ребятишек в какую-нибудь деятельность.

– Тук-тук. «Это кто?» – «Никто». – «То, что Ник-то, понятно. Ник – это имя, а дальше как?» – «Никак! Эти игры слов меня достали!»

И так далее в том же духе.

Остановка в «Макдоналдсе», с учетом всех обстоятельств, прошла без приключений, разве что в качестве подарка к детскому набору слепым ребятишкам зачем-то раздали голографические открытки. Водитель сидел отдельно от всей группы, сочувственно наблюдая, как дети осторожно нащупывают картофель фри неуверенными пальчиками, – они еще не научились для простоты дела собирать еду с блюда по часовой стрелке. В то же время «Макдоналдс» был для них, в отличие от большинства детей, незрячих от рождения, полон знакомых зрительных образов: эти маленькие инвалиды чувствовали себя вполне комфортно на гладких пластиковых вращающихся стульях, с гигантскими пластмассовыми соломинками они управлялись весьма умело.

Группа снова отправилась в путь. Трехчасовая, как планировалось, поездка растянулась едва ли не вдвое. Сопровождающие запевали, дети подхватывали и каждую песню повторяли по нескольку раз; потом на экраны под потолком салона стали выводить аудиокниги – ребятишки внимательно слушали. Некоторые, совсем маленькие, то и дело проваливались в сон – слепота сбивала их биологические часы.

По изменению света, проникающего сквозь окна автобуса, сопровождающие поняли, что опускается тьма. Когда они въехали в штат Нью-Йорк, движение заметно ускорилось, но вдруг машина резко затормозила, да так, что мягкие игрушки и стаканчики для питья попадали на пол.

Автобус свернул к обочине и остановился.

– Что это? – спросила старшая сопровождающая, Джони.

Двадцатичетырехлетняя помощница учителя, она сидела впереди и была ближе всех к водителю.

– Не знаю... Что-то странное, – последовал ответ. – Побудьте здесь, не бойтесь. Я скоро вернусь.

С этими словами водитель вышел, но сопровождающие даже не успели заволноваться – каждый раз, когда автобус останавливался, вздымался лес ручонок: дети просили, чтобы их отвели в туалет в задней части машины.

Минут десять спустя водитель вернулся. В полном молчании он завел автобус, несмотря на то что сопровождающие еще не закончили водить детишек в туалет. Просьба Джони немного подождать с отправкой не вызвала никакой реакции, однако в конце концов дети расселись по местам, и все снова успокоилось.

С этого момента автобус катил по трассе в полной тишине. Аудиозаписи больше не транслировались. Смолкла и болтовня водителя, более того, он наотрез отказывался отвечать на вопросы Джони, сидевшей прямо за его спиной в первом ряду. Джони не на шутку растревожилась, однако решила сдерживать эмоции, чтобы остальные не почувствовали ее озабоченности. Она уговаривала себя, что все идет по плану, автобус движется в заданном направлении, они едут нормально, не превышая скорости, и в любом случае цель их путешествия должна быть уже совсем близко.

Спустя какое-то время автобус свернул на проселочную грунтовую дорогу, и все, кто спал, мгновенно проснулись. Затем машина покатила по совсем уже неровной земле и стала переваливаться с колдобины на колдобину; все схватились за поручни, а напитки из опрокинувшихся стаканчиков полились на колени сидящих. Тряска продолжалась еще целую минуту – все мужественно терпели, – и вдруг автобус резко остановился.

Водитель выключил двигатель. Слепые слышали шипение пневматики – это отворилась дверь, сложившись гармошкой. По-прежнему не произнося ни слова, водитель покинул автобус – звяканье его ключей постепенно стихло вдали.

Джони посоветовала остальным сопровождающим набраться терпения. Если они действительно доехали до школы-интерната – Джони очень надеялась на это, – то в любую минуту появится персонал, чтобы поприветствовать их. С безмолвным водителем можно будет разобраться в другое, более подходящее время.

Однако с каждой минутой становилось все яснее, что этого не произойдет, – во всяком случае, никто не выходил их встречать.

Джони ухватила за спинку сиденья, поднялась и стала нащупывать дорогу к открытой двери.

– Эй! – позвала она в темноту.

В ответ старшая сопровождающая не слышала ничего, кроме потрескивания и позвякивания остывающего двигателя и хлопанья крыльев пролетевшей птицы.

Джони повернулась к маленьким пассажирам, вверенным ее попечению. Она чувствовала их усталость и тревогу. Долгое путешествие, а теперь еще и неясный финал. Несколько детишек на задних сиденьях плакали.

Джони собрала сопровождающих в передней части автобуса, чтобы посоветоваться. Некоторое время они яростно шептались, но что делать дальше, никто не знал.

«Вне зоны действия сети», – сообщил мобильник раздражающе спокойным голосом.

Один из сопровождающих принялся ощупывать широкую приборную панель в поисках водительского радиотелефона, но наушников так и не обнаружил. Однако он заметил, что мягкое пластиковое сиденье водителя неестественно горячее.

Другой сопровождающий, порывистый девятнадцатилетний юноша Джоэл, наконец развернул свою складную тросточку и, постукивая ею, осторожно спустился по ступенькам на землю.

– Под ногами трава, – сообщил он оставшимся в автобусе, а затем прокричал, обращаясь к водителю или к кому бы то ни было: – Эй! Есть здесь кто-нибудь?

– Все это так странно, – сказала Джони.

Она, старшая сопровождающая, чувствовала себя такой же беспомощной, как и ее маленькие подопечные.

– Я просто ничего не могу понять.

– Подожди, – произнес Джоэл, интонацией призывая ее к молчанию. – Вы слышите? Все затихли.

– Да, – сказал кто-то из сопровождающих.

Джони не услышала ничего, кроме уханья совы в отдалении.

– Что?

– Не знаю. Какое-то... Какое-то гудение.

– Механическое?

– Возможно. Не знаю. Больше похоже на... Это почти как мантра на занятиях йогой. Знаешь, когда повторяют священные слоги...

Джони прислушалась:

– Я не слышу ни звука, но... Ладно. Давайте так. У нас два варианта действий. Закрыть дверь и оставаться здесь, во всей нашей незащитности, или же вывести всех наружу и отправиться на поиски хоть какой-то помощи.

Остаться в автобусе не захотел никто. Они и так провели в этой машине слишком много времени.

– А что, если это какой-нибудь квест? – принялся размышлять Джоэл. – Ну, знаете, некая развлекательная программа, суббота как-никак.

Одна из сопровождающих пробормотала что-то в знак согласия.

Это разожгло в Джони ответную искру.

– Отлично, – сказала она. – Если это квест, то мы их переиграем.

Они вывели детишек и сумели построить их в несколько колонн, так чтобы каждый мог передвигаться, положив руку на плечо впереди идущего. Некоторые дети тоже признались, что слышат гудение, и попытались воспроизвести этот звук, чтобы другие тоже могли распознать его. Само наличие звука словно бы успокоило детей. Его источник задавал направление движения.

Трое сопровождающих, нащупывая дорогу тросточками, вели за собой колонны детей. Местность была неровная, но камни или какие-нибудь иные коварные препятствия все же не попадались.

Вскоре они услышали в отдалении звуки, явно издаваемые животными. Кто-то предположил, что кричат ослы, но большинство с этим не согласилось. Звуки больше походили на хрюканье свиней.

Что это, ферма? Может быть, гудение издает большой генератор? Или какая-нибудь машина, перемалывающая по ночам корм?

Они ускорили шаг и вскоре натолкнулись на препятствие – низкий забор из деревянных жердей. Двое из трех поводырей, разделившись, отправились влево и вправо в поисках ворот или калитки. Вскоре калитка нашлась, и всю группу подвели к ней, а затем сопровождающие и дети вошли внутрь. Трава под подошвами сменилась землей. Хрюканье свиней приблизилось и стало громче. Группа двигалась по какой-то широкой дорожке. Сопровождающие построили детей в более плотные колонны; они шагали, пока не наткнулись на некое

здание. Дорожка вывела их напрямик к большому дверному проему. Они вошли. Подали голос. В ответ – ничего.

Группа оказалась внутри какого-то явно просторного помещения, заполненного разно-голосым шумом.

Свиньи отреагировали на присутствие людей любопытствующим визгом, и это напугало детишек. Животные бились о стенки тесных загонов, скребли копытами по устланному соломой полу. Джони на ощупь определила, что стойла тянутся по обе стороны прохода. Пахло навозом и чем-то еще... куда более гадким. Пахло... как в покойницкой.

Они оказались в свиной секции скотобойни, хотя никому из них и в голову не пришло употребить именно это слово.

Для некоторых ребяташек гудение превратилось в голоса. Эти дети бросились прочь из рядов – очевидно, в голосах им послышалось что-то знакомое, – и сопровождающим пришлось вернуть их в строй, иных даже силой. Вожаки опять по головам пересчитали своих подопечных.

Пересчитывая наряду с другими сопровождающими детей, Джони вдруг тоже услышала голос. Девушка узнала его – свой собственный голос. Престранное ощущение: звук рождался внутри головы, Джони словно бы взывала к самой себе, как бывает во сне.

Следуя зову, они прошли дальше, поднялись по широкой наклонной плоскости и оказались посреди некоего помещения; здесь запах покойницкой был еще гуще.

– Эй! – позвала Джони дрожащим голосом.

Она все еще надеялась, что болтливый водитель автобуса наконец ответит.

– Вы можете нам помочь?

Их поджидало некое существо. Скорее, тень – сродни лунной тени в момент затмения. Они почувствовали жар, исходящий от существа, и ощутили необъятность его фигуры. Гудение словно бы раздулось. Перестав быть назойливым отвлекающим шумом, оно до предела заполнило их головы, перекрыв главное из оставшихся у них чувств – слух – и погрузив всех, и детей и взрослых, в полубесчувственное состояние. В состояние, близкое к клинической смерти.

И никто не услышал мягкого потрескивания опаленной плоти Владыки, когда тот двинулся им навстречу.

Первая интерлюдия Осень 1944 года

Запряженная волами повозка, переваливаясь на комьях земли и кучах слежавшегося сена, упорно катила по сельской местности. Волы – покорные и добродушные скотины, как большинство кастрированных тягловых животных; их тонкие хвосты, заплетенные косицами, покачивались синхронно, словно стержни маятников.

От постоянной работы с вожжами руки возницы покрылись мозолями и задубели, словно их тоже выделали из воловьей кожи.

На пассажире – мужчине, сидевшем рядом с возницей, – была длинная черная сутана, из-под которой выглядывали черные брюки. Сутану охватывал черный пояс, выдававший в мужчине священника низшего сана.

И все же этот молодой человек в диаконском облачении не был священником. Он даже не был католиком.

Он был переодетым евреем.

Их нагонял автомобиль. Когда он поравнялся с повозкой на ухабистой дороге, стало ясно, что это военный грузовик с русскими солдатами. Тяжелая машина обошла их слева и стала удаляться. Возница не помахал им вслед, даже голову не повернул в знак признательности, – лишь подстегнул своим длинным стрекалом волов, замедливших ход в густом облаке дизельного выхлопа.

– Не важно, с какой скоростью мы едем, – сказал возница, когда гарь немного рассеялась. – В конце-то концов все прибудем в одно и то же место. Так ведь, отец?

Авраам Сетракян не ответил. Он уже не был уверен, что в словах, подобных тем, что произнес возница, содержится хоть крупица правды.

Толстая повязка, которую Сетракян носил на шее, была не более чем уловкой. Он хорошо понимал польский, но говорить на этом языке так, чтобы сойти за поляка, по-прежнему не мог.

– Вас били, отец, – заметил возница. – Переломали вам все пальцы.

Сетракян оглядел свои ладони – изувеченные кисти совсем еще молодого человека. Пока он был в бегах, размозженные костяшки срослись, но срослись неправильно. Местный хирург сжалился над ним, сломал пальцы заново, а затем вправил средние суставы, после чего душераздирающий скрежет костей при сгибании стал заметно слабее. Его руки обрели некоторую подвижность – даже большую, чем он рассчитывал. Хирург сказал, что с возрастом суставы будут работать все хуже и хуже. Страстно желая восстановить гибкость, Сетракян целыми днями сгибал и разгибал пальцы, доходя до порога переносимости боли, а порой и сильно переступая его. Война отбросила темную тень на чаяния множества мужчин, покрыв мраком их надежды на долгую и плодотворную жизнь, но для себя Сетракян решил: сколько бы ни было ему отпущено, он не позволит считать себя калекой.

Теперь он не узнал местность – да, собственно, с какой стати он должен был ее узнать? Его привезли сюда в закрытом поезде, в глухом товарном вагоне. До восстания он, конечно, не мог покинуть лагерь, а потом – побег, блуждания в чащобах. Сетракян поискал взглядом рельсы – их, очевидно, уже разобрали, однако след железнодорожного пути остался – он заметным шрамом перерезал поле. Одного года явно мало, чтобы природа взяла свое и затянула этот рубец, свидетельство позора и бесчестия.

Перед поворотом Сетракян слез с повозки и попрощался с возницей, осенив его благословением.

– Не задерживайтесь здесь, отец, – предупредил тот, прежде чем понукнуть своих волов. – Мрак клубится над этим местом.

Сетракян некоторое время постоял, провожая взглядом лениво удаляющихся волов, а затем двинулся по найденной тропинке, уводящей в сторону от дороги. Он вышел к скромному кирпичному сельскому домику, стоявшему на окраине густо заросшего поля, где трудились несколько сезонных рабочих. Лагерь смерти, известный как Треблинка, был сооружен как недолговечная постройка. Его задумали временной человекобойней, которая должна была работать максимально эффективно, а затем, исчерпав свое предназначение, бесследно исчезнуть с лица земли. Никаких татуировок на руках, как в Освенциме. Минимальное, насколько возможно, делопроизводство. Лагерь был замаскирован под железнодорожный вокзал – вплоть до фальшивого окошка билетной кассы, фальшивого названия станции («Обер-Майдан») и фальшивого списка станций примыкания. Проектировщики лагерей смерти, создававшихся для целей операции «Рейнхард», спланировали идеальное преступление геноцидного масштаба.

Вскоре после восстания узников, осенью 1943 года, Треблинку ликвидировали, разобрали буквально по камушку. Землю перепахали, а на месте лагеря смерти построили ферму, чтобы помешать местным жителям разгуливать по территории и рыться в мусоре. На строительство фермерского дома пошли кирпичи газовых камер, а в обитатели фермы назначили бывшего охранника-украинца по фамилии Штребель и его семью. Украинских охранников для Треблинки вербовали из советских военнопленных. Работа в лагере смерти – а именно массовое истребление людей – сказывалась на психике всех и каждого. Сетракян сам был свидетелем, как эти бывшие военнопленные, особенно украинцы немецкого происхождения, на которых возлагались более серьезные обязанности – их назначали взводными или отделенными, – превращались в продажных тварей и всю использовали возможности, предоставляемые лагерем, как для удовлетворения садистских наклонностей, так и для личного обогащения.

Этот охранник, Штребель... Сетракяну не удавалось вызвать в памяти его лицо, зато он хорошо помнил черную форму украинских охранников, их карабины, а главное – их жестокость. До Авраама дошел слух, что Штребель и его семейство совсем недавно покинули ферму – пустились в бег, испугавшись Красной армии. Однако Сетракяну, как священнику небольшого прихода, расположенного в сотне километров отсюда, были известны и другие слухи – о том, что в местности, окружающей бывший лагерь смерти, воцарилось само Зло. Люди перешептывались, что как-то ночью семейство Штребель просто исчезло – не сказав никому ни слова, не собрав пожитков.

Именно эти рассказы больше всего интересовали Сетракяна.

Авраам давно подозревал, что тронулся умом в лагере смерти – если не полностью, то, во всяком случае, частично. Видел ли он на самом деле то, что представало перед его глазами? Или, может, гигантский вампир, вкушающий кровь еврейских узников, – лишь плод его воображения? Механизм психологического приспособления? Некий голем, заместивший в его сознании ужасы нацистов, которые мозг просто не в силах был воспринимать?

Только сейчас Сетракян почувствовал в себе достаточно сил, чтобы найти ответы на эти вопросы. Он миновал кирпичный домик, вышел в поле, где трудились рабочие, и вдруг понял, что это вовсе не рабочие, а местные жители: всевозможными принесенными из дома инструментами они перелопачивали землю в поисках золота и ювелирных изделий, возможно оставшихся после страшной бойни. Однако попадались им вовсе не золото и драгоценности, а лишь куски колючей проволоки, перемежаемые время от времени фрагментами костей.

Копатели окинули Сетракяна подозрительными взглядами, словно бы он нарушил какой-то неизвестный ему, но весьма жесткий кодекс поведения мародеров, не говоря уже о том, что вторгся в пределы неясно обозначенного, однако же твердо заявленного участка. Даже пасторское одеяние не возымело эффекта – копали в том же темпе, решимость пре-

ступников поживиться не дала ни единой трещины. Некоторые, правда, приостановились и даже опустили глаза, но уж точно не от стыда – скорее, в той манере, в которой люди дают понять: «меня не проведешь»; они лишь выжидали, когда пришелец двинется дальше, чтобы продолжить грабеж.

Сетракян покинул территорию бывшего лагеря, оставил за спиной его незримую границу и направился к лесу, след в след повторяя путь бегства из лагеря. Несколько раз он свернул не туда, но все же вышел к развалинам древней римской усыпальницы, – по его воспоминаниям, здесь ничего не изменилось. Авраам спустился в подземелье, туда, где когда-то столкнулся с нацистом Зиммером, – столкнулся, а потом уничтожил его. Несмотря на сложные руки и все прочее, он выволок ту тварь на свет бела дня и долго смотрел, как она поджаривается в лучах солнца.

Оглядевшись в подземелье, Сетракян вдруг кое-что понял. Царапины на полу... Протоптанная дорожка от входа... Явные признаки того, что это место совсем недавно служило кому-то обиталищем.

Сетракян быстро вышел на воздух. Он стоял возле вонючих развалин и глубоко дышал, его грудь сжимало, словно гигантскими тисками. Да, он ощутил присутствие Зла. Солнце уже низко опустилось, и скоро вся местность погрузится во тьму.

Юноша закрыл глаза, словно и впрямь был священником, готовящимся к молитве. Но он не взывал к высшим силам. Он старался сосредоточиться, усмирить страх и всецело оценить задачу, которая перед ним возникла.

К тому времени, когда Сетракян вновь оказался у сельского домика, местные уже разошлись. Перед ним лежало пустынное поле, тихое и серое, словно кладбище, – да, в сущности, оно кладбищем и было.

Сетракян вошел в здание. Он решил побродить немного по комнатам – просто так, дабы удостовериться, что в доме никого нет. В гостиной Сетракяна накрыл приступ ужаса. На столике, стоявшем возле лучшего стула в комнате, лежала деревянная курительная трубка великолепной работы. Сетракян потянулся к трубке, взял ее искалеченными пальцами – и мгновенно узнал изделие.

Эта резьба была творением его рук. Он смастерил четыре такие трубки – вырезал их под Рождество 1942 года по приказу украинского вахмана: они предназначались в подарок.

Трубка затряслась в руках Сетракяна, когда он вообразил охранника Штребеля в этой самой комнате в окружении кирпичей, взятых из дома смерти. Вообразил, как украинец наслаждается табаком и к потолку возносится тонкая струйка дыма, – и все это именно в том месте, где ревело пламя пылающей ямы и смрад человеческих жертвоприношений устремлялся вверх, словно вопль, обращенный к утратившим слух небесам.

Сетракян сжал трубку – она треснула пополам, бросил обломки на пол и принялся давить их каблуком, дрожа от ярости, подобной которой не испытывал много месяцев.

А затем, так же внезапно, как обрушился, приступ прошел. Сетракян снова обрел спокойствие.

Он вернулся в скромную кухоньку, зажег стоявшую на столе единственную свечу и разместил ее у окна, обращенного к лесу. Затем устроился рядом на стуле.

Сидя в одиночестве в этом доме, ожидая того, что неминуемо должно было произойти, он разминал свои искалеченные пальцы и вспоминал день, когда пришел в деревенскую церковь. Он, беглец из лагеря смерти, был страшно голоден; он искал хоть какую-нибудь еду. Увидев церковь, он заглянул внутрь и обнаружил, что она совершенно пуста. Всех служителей арестовали и увезли. В домике приходского священника, стоявшем рядом с храмом, он нашел церковное облачение, еще хранившее человеческое тепло, и, побуждаемый скорее крайней нуждой, чем каким-нибудь обдуманном планом, быстро переоделся. Его собственная одежда истрепалась так, что о починке не могло быть речи, к тому же она за версту выда-

вала в нем беженца, притом очень подозрительного толка, да и ночи были крайне холодные. Здесь же, в храме, Авраам придумал уловку в виде повязки на горле – в военное время она не вызывала бы много вопросов. Даже притом что он не произносил ни слова, прихожане восприняли его как нового священника, присланного свыше, – возможно, потому, что жажда веры и покаяния особенно сильна в самые темные времена, – и потянулись на исповедь. Они истово оглашали свои грехи перед молодым человеком в пасторском одеянии, хотя все, что он мог предложить взамен, – жест отпущения, сотворенный искаленной рукой.

Сетракян не стал раввином, как того хотела его семья. И вот теперь он оказался в роли священника – это была совсем другая роль, но все же какую-то странную схожесть можно было усмотреть.

Именно там, в покинутой церкви, Сетракян начал бороться с воспоминаниями, с теми картинками, что запечатлелись в его памяти, картинками настолько чудовищными, что временами он поражался: неужели все это – от садизма нацистов до гротескной фигуры огромного вампира – имело место в реальности? Единственным доказательством, которым он располагал, были его искаленные руки. К тому времени сам лагерь смерти, как ему рассказывали беглецы, которым он предоставлял «свою» церковь в качестве пристанища, – крестьяне, спасавшиеся от Армии Крайовой, дезертиры из вермахта или даже из гестапо, – был стерт с лица земли.

После захода солнца, когда глухая ночь овладела округой, над фермой воцарилась жуткая тишина. Сельская местность во мраке может быть какой угодно, вот только безмолвной ее не назовешь, однако в зоне, окружающей бывший лагерь смерти, не разносилось ни звука. Здесь было пугающе и даже как-то величественно тихо, словно сама ночь затаила дыхание.

Гость появился довольно скоро. Сначала в окне возникло его бледное – цвета мучного червя – лицо, подсвеченное сквозь тонкое неровное стекло мерцающим пламенем свечи. Сетракян оставил дверь незапертой, и гость вошел. Он двигался скованно, как если бы приходил в себя после тяжелой, изнурительной болезни.

Сетракян повернулся, чтобы встретить пришельца лицом к лицу, и от изумления его охватила дрожь. Перед ним стоял штурмшарфюрер СС Хауптманн, его бывший лагерный «заказчик».

Этому человеку были подведомственны как плотницкая мастерская, так и все так называемые «придворные евреи», которые обслуживали своими умениями и мастерством разнообразные прихоти эсэсовцев и украинских вахманов. Его черный, всегда безупречно отглаженный шутцштаффелевский¹¹ мундир, столь хорошо знакомый Сетракяну, превратился в лохмотья; рукава свисали рваными лоскутами, обнажая безволосые предплечья, и на обеих руках хорошо были видны эсэсовские татуировки – сдвоенные зигзаги молний. Отполированные пуговицы исчезли, ремень и фуражка тоже. На потертом черном воротнике сохранилась эмблема в виде черепа на скрещенных костях, характерная для подразделений СС «Мертвая голова». Черные кожаные сапоги, всегда начищенные до нестерпимого блеска, давно растрескались, к тому же их коркой покрывала грязь. Руки, рот и шею штурмшарфюрера усеивали черные пятна – то была спекшаяся кровь недавних жертв. Над его головой тучей вились мухи, создавая нечто вроде черного нимба.

В длинных руках штурмшарфюрер держал два больших джутовых мешка. С какой такой стати, подивился Сетракян, бывший офицер СС принялся собирать землю на территории, которая когда-то была лагерем Треблинкой? Зачем ему эта жирная почва, удобренная газом и пеплом геноцида?

С высоты своего роста вампир уставился на Сетракяна отсутствующим взглядом; глаза его были красными, даже скорее ржавыми, чем красными.

¹¹ Эсэсовский. СС (SS) – аббревиатура немецкого авиационного термина Schutzstaffel, «эскадрилья прикрытия».

Авраам Сетракян.

Слова лились откуда-то извне, явно не изо рта вампира. Окровавленные губы даже не шевельнулись.

Ты избегал пылающей ямы.

Глубокий и мощный голос звучал теперь внутри Сетракяна, он резонировал во всем организме, словно позвоночник Авраама превратился в камертон. Это был тот самый многоязыкий голос.

Голос гигантского вампира, с которым Сетракян столкнулся в лагере. Этот вампир и говорил с ним сейчас – через посредника в виде Хауптманна.

– Сарду, – произнес Сетракян.

Он обратился к вампиру по имени оболочки, которую тот избрал своим обиталищем, – оболочки Юзефа Сарду, легендарного благородного великана.

Я вижу, ты одет как человек сана. Ты когда-то говорил о своем боге. Ты и вправду веришь, что это он спас тебя от пылающей ямы?

– Нет, – ответил Сетракян.

Ты по-прежнему хочешь уничтожить меня?

Сетракян промолчал. Но ответом было – «да».

Тварь, казалось, прочитала его мысли – в ее голосе забурлило нечто, что можно было бы назвать удовольствием.

Ты цепок, Авраам Сетракян. Как осенний лист, который отказывается упасть с дерева.

– И что теперь? Почему ты все еще здесь?

Ты имеешь в виду Хауптманна? Его задачей было облегчить мои дела в лагере. В конечном итоге я обратил его. И тогда он стал кормиться молодыми офицерами, к которым ранее благоволил. У него объявился вкус к чистой арийской крови.

– Тогда... Тогда есть и другие? Комендант. И лагерный врач.

«Айххорст, – подумал Сетракян. – И доктор Древехавен. Да, пожалуй».

Он слишком хорошо помнил обоих.

– А Штребель и его семейство?

Штребель вовсе не интересовал меня. Разве что в качестве еды. Такие тела мы уничтожаем сразу после кормежки, прежде чем они успеют обернуться. Видишь ли, с пищей здесь стало скудно. Ваша война – большое неудобство. Зачем мне лишние рты?

– В таком случае... Чего тебе надобно здесь?

Голова Хауптманна неестественно запрокинулась, в его раздутом горле что-то квакнуло, словно огромная лягушка.

Назовем это ностальгией. Я скучаю по эффективности лагерной машины. Меня испортило удобство нескончаемого человеческого буфета. А теперь... Я устал отвечать на твои вопросы.

– Тогда еще один, последний. – Сетракян снова взглянул на мешки с землей в руках Хауптманна. – За месяц до восстания Хауптманн приказал мне смастерить шкаф. Очень большой шкаф. Он даже раздобыл для него материал – толстые доски черного дерева особой текстуры, ясное дело, привозные. Мне дали рисунок – я должен был вырезать его на дверцах шкафа.

Все правильно. Хорошая работа, еврей.

Хауптманн называл это «спецпроектом». У Сетракяна тогда не было выбора, он лишь боялся, что делает шкаф для какого-нибудь высокопоставленного эсэсовца в Берлине. А может быть, для самого Гитлера.

Ан нет. Все было гораздо хуже.

Исторический опыт подсказывал мне, что дни лагеря сочтены. Ни один великий эксперимент не может длиться вечно. Я знал, что пир скоро закончится и мне придется переезжать. Бомба союзников угодила в мое лежбище. Поэтому мне потребовалось новое. Теперь я уверен, что никогда не расстанусь с ним, какие бы времена ни наступили.

Сетракяна трясло, но не от страха – от ярости.

Он сколотил гроб для гигантского вампира.

А теперь Хауптманн должен покормиться. Я вовсе не удивлен, что ты вернулся сюда, Авраам Сетракян. Кажется, нас обоих связывают с этим местом особые сантименты.

Хауптманн уронил мешки с землей и двинулся к столу. Сетракян, поднявшись, попятился к стене.

Не беспокойся, Авраам Сетракян. После того, что произойдет, я не брошу тебя животным. Полагаю, ты должен присоединиться к нам. У тебя сильный характер. Твои кости исцелятся, и твои руки снова будут служить нам.

Хауптманн навис над ним. Сетракян ощутил сверхъестественное тепло, исходящее от монстра. Он излучал лихорадочный жар, и при этом от него несло смрадом собранной земли. Безгубый рот раздвинулся, и в глубине пасти Сетракян увидел кончик жала, изготовленного к удару.

Авраам вперился в красные глаза вампира Хауптманна, от всей души надеясь, что оттуда, из неведомой глубины, на него смотрит эта Тварь Сарду.

Грязные руки Хауптманна сомкнулись на повязке, прикрывавшей шею Сетракяна. Вампир зацепил бинты и, сорвав их, обнаружил яркое серебряное оплечье, надежно защищающее пищевод и главные шейные артерии. Глаза Хауптманна расширились; спотыкаясь, он отступил на несколько шагов, отброшенный неодолимой для него силой этого защитного серебряного доспеха, который выковал нанятый Сетракяном местный кузнец.

Хауптманн почувствовал, что уперся спиной в стену. Он застонал, изображая слабость и смятение, но Сетракян видел, что на самом деле вампир готовится к новой атаке.

Ты цепок, Авраам Сетракян, ты стоишь до конца.

Едва только Хауптманн бросился на него, Авраам извлек из-под складок своей сутаны серебряное распятие, заточенное основание которого заканчивалось смертоносным острием, и тоже сделал несколько шагов, встретив вампира точно посередине разделявшего их пространства.

В конечном итоге убийство вампира-нациста было актом избавления в самом чистом виде. Для Сетракяна же оно олицетворяло возможность отомстить непосредственно на оскверненной земле Треблинки, и к тому же он нанес удар по гигантскому вампиру и его таинственным делам. А еще – и это было самое важное, важнее всего прочего – убийство Хауптманна служило подтверждением того, что Сетракян не съехал с катушек, не тронулся умом. Что он сохранил рассудок.

Да, он действительно видел все то, что происходило в лагере.

Да, миф оказался реальностью.

И... да, эта реальность была ужасна.

Убийство Хауптманна словно скрепило печатью всю дальнейшую судьбу Сетракяна. С того момента он посвятил свою жизнь изучению стригоев и охоте на них.

Той же ночью он сбросил пасторское облачение и заменил его одеждой простого крестьянина, а острие кинжала-распятия долго держал в огне, пока оно не раскалилось добела. Перед тем как отправиться в путь, он сбросил свечу на сутану и прочие тряпки, лежащие на полу, и только после этого вышел на воздух. Он уходил прочь, а на его спине играли блики, отбрасываемые пламенем, в котором корчился проклятый фермерский дом.

Дует холодный ветер¹²

«Лавка древностей и ломбард Никербокера», Восточная Сто восемнадцатая улица, Испанский Гарлем

Сетракян отпер дверь ломбарда и поднял охранную решетку. Фет, стоявший снаружи точно обыкновенный посетитель, подумал, что старик повторяет эту рутинную процедуру каждый день на протяжении вот уже тридцати пяти лет. Хозяин ломбарда вышел на солнечный свет, и на какие-то секунды могло показаться, что ничего особенного не происходит, все нормально, все как всегда. Стоит себе на нью-йоркской улице пожилой человек и, прищурившись, глядит на солнце. Эта картинка ничуть не приободрила Фета, скорее, вызвала острый приступ ностальгии. Он явно считал, что в жизни осталось не так уж много «нормальных» мгновений.

Сетракян был без пиджака, в твидовом жилете, рукава белоснежной рубашки закатаны чуть выше запястий. Он оглядел большой микроавтобус. По двери и борту шла надпись: «УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ МАНХЭТТЕНА».

– Пришлось его позаимствовать, – пояснил Фет.

Судя по виду, старый профессор был одновременно обрадован и немало заинтригован.

– Я вот думаю, не могли бы вы достать еще один такой? – спросил он.

– Зачем? – удивился Фет. – Куда это мы направляемся?

– Здесь больше оставаться нельзя.

Эф сидел на тренировочном мате посреди странной комнаты, где стены сходились под непривычными углами. Это складское помещение располагалось на последнем этаже дома старика. Зак тоже сидел здесь, вытянув одну ногу и обхватив руками вторую, – колено было вровень с его щекой. Он был нечесан, выглядел измотанным и походил на мальчика, отправленного в лагерь и вернувшегося совсем другим, изменившегося, но не в лучшую сторону. Их окружали десятки зеркал с серебряной амальгамой, отчего у Эфа возникало ощущение, что за ними наблюдает множество стариковских глаз. Оконную раму за металлической решеткой наспех заколотили фанерой, и эта заплатка выглядела еще уродливее, чем рана, которую прикрывала.

Гудвезер вглядывался в лицо сына, пытаясь распознать его выражение. Он очень беспокоился за рассудок Зака, – впрочем, за свой рассудок он беспокоился не меньше. Готовясь начать разговор, Эф потер рукой рот и почувствовал шероховатости в уголках губ и на подбородке, – выходило, он не брился уже несколько дней.

– Я тут полистал руководство для родителей, – начал он, – и знаешь, оказывается, там нет раздела о вампирах.

Эф жалко улыбнулся, однако он не был уверен, что улыбка сработает. Он даже не был уверен, что его улыбка хоть в какой-то мере сохранила прежнюю силу убеждения. Он вообще не верил, что кто-то еще способен улыбаться.

– Ну ладно. В общем, то, что я сейчас скажу, прозвучит несколько путано, да какое там несколько – просто путано. И все-таки я скажу. Зи, ты знаешь, что мама любила тебя. Любила больше, чем ты можешь себе представить. Любила так, как только мать может любить сына.

¹² «Дует холодный ветер» («Cold Wind Blowing») – песня популярного английского автора и исполнителя Клиффорда Томаса Уорда.

Вот почему мы с ней сотворили то, что сотворили, – для тебя это временами походило на перетягивание каната, – и все по одной причине: ни один из нас просто физически не мог вынести разлуки с тобой. Потому что посредине каната, который мы перетягивали, был ты. Да что там посредине – ты сам был этим канатом. Центром нашей жизни. Я знаю: дети иногда винят себя за расставание родителей. Но то, что удерживало нас друг возле друга, – это был именно ты, наш сын. И когда мы ссорились из-за того, кто должен остаться с тобой, это сводило нас с ума.

– Пап, тебе не обязательно все это мне...

– Я знаю, знаю. Ближе к делу? Но нет. Ты должен услышать то, что я хочу сказать, причем именно сейчас. Может быть, мне самому нужно услышать это, понимаешь? Мы должны смотреть друг на друга ясными глазами. Мы должны выложить все это перед собой – немедленно. Материнская любовь – это... это все равно что силовое поле. Она куда сильнее любой человеческой привязанности. Она очень глубока – до глубины... до глубины души! Отеческая любовь – я имею в виду мою любовь к тебе, Зи, – это самая великая сила в моей жизни, абсолютная. Именно благодаря ей я осознал кое-что насчет материнской любви – возможно, это самая могучая духовная связь, какая только есть на свете.

Эф взглянул на сына, пытаясь понять, как тот воспринимает его слова, но никакой реакции не увидел.

– И вот теперь эта напасть, эта чума, эта ужасная... Она забрала маму, ту, какой мы ее знали, и выжгла в ней все доброе и хорошее. Все правильное и истинное. Все то, что и составляет человека, как мы его понимаем. Твоя мама... она была прекрасна. Она была заботлива. Она была... И еще она была безумна – в том смысле, в каком безумны все преданные и любящие матери. А ты был для нее величайшим даром в этом мире. Вот как она понимала тебя. И ты остаешься для нее величайшим даром. Та ее часть, для которой ты составляешь весь смысл существования, продолжает жить. Но сейчас... сейчас мама уже не принадлежит себе. Она больше не Келли Гудвезер, не мама – и принять это для нас с тобой самое трудное, что только может быть в жизни. Насколько я понимаю, все, что осталось от прежней мамы, – это ее связь с тобой. Потому что эта связь священна и она не умрет никогда. То, что мы называем любовью – на свой лад, в духе глупых сопливых поздравительных открыток, – на самом деле нечто гораздо более глубокое, чем мы, человеческие существа, представляли себе до сих пор. Ее человеческая любовь к тебе... словно бы сместилась, переформировалась и превратилась в новую страсть, в новую жажду, в нужду небывалой силы. Где она сейчас? В каком-то ужасном месте. А она хочет, чтобы ты был там, рядом с ней. В этом месте для нее нет ничего ужасного, ничего злобного или опасного. Она просто хочет, чтобы ты был рядом. И вот что ты должен понять: все это лишь потому, что мама тебя любила – всецело и бесконечно.

Зак кивнул. Он не мог говорить. Или не хотел.

– Теперь, когда все сказано, мы должны обезопасить тебя от нее. Она выглядит сейчас совершенно иначе. Это потому, что она и сама теперь совершенно иная – иная в фундаментальном смысле, – и с этим нелегко справиться. Я не могу вернуть нам прежнюю жизнь, я могу лишь защитить тебя от нее. От того, во что она превратилась. Теперь это моя новая работа – как твоего родителя, твоего отца. Подумай о прежней маме и представь себе – что бы она сделала, чтобы уберечь тебя от угрозы здоровью, безопасности? Ну, скажи, как бы она поступила?

Зак опять кивнул и ответил без промедления:

– Она спрятала бы меня.

– Она забрала бы тебя. И увезла бы как можно дальше, в какое-нибудь безопасное место. – Эф сам внимательно прислушивался к тому, что говорит сыну. – Просто схватила бы тебя и... пустилась бежать со всех ног. Я прав или нет?

- Ты прав, – сказал Зак.
- Ну вот. Значит, она стала бы твоей сверхзащитой. А теперь твоей сверхзащитой буду я.

Бруклин

Эрик Джексон сфотографировал протравленное окно с трех разных точек. На дежурство он всегда брал маленький цифровой «Кэнон», наравне с пистолетом и значком.

Травление кислотой стало повальным увлечением. Кислоту, купленную в обыкновенном хозяйственном магазине, обычно смешивали с обувным кремом, чтобы на стекле или плексигласе оставался четкий след. Он проявлялся не сразу – требовалось несколько часов, чтобы смесь как следует «прожгла» стекло. Чем дольше сохранялась на его поверхности нанесенная кислота, тем устойчивее становился рисунок.

Эрик отступил на несколько шагов, чтобы оценить изображение. Шесть черных отростков лучами расходились от красного пятна в центре. Он пощелкал кнопкой, перебирая изображения в памяти камеры. Вот еще один похожий снимок, сделанный вчера, в Бей-Ридже, только не такой четкий, как нынешние. А вот и третий рисунок – Эрик щелкнул его в Канарси, – он больше походил на гигантскую звездочку, какой в книгах помечают сноски, но линии смелые, нанесенные все той же уверенной рукой.

Джексон мог узнать руку Линялы где угодно. Правда, сегодняшнее изображение не выдерживало сравнения с его обычными творениями и больше походило на работу любителя, однако тонкие дуги и точные пропорции рисунка однозначно выдавали автора.

Этот тип шлялся по всему городу, иногда за одну ночь его «шедевры» появлялись в самых разных местах. Как такое возможно?

Эрик Джексон был сотрудником специального подразделения Полицейского управления Нью-Йорка – общегородской оперативной группы по борьбе с вандализмом. В его задачу входило выслеживать вандалов и пресекать их действия. К правилам Полицейского управления, предусматривающим наказание за рисование на улицах, он относился как к Священному Писанию. Даже самые красочные, хорошо прорисованные граффити представляли собой публичное оскорбление общественного порядка. И призывали других рисовальщиков расценивать городскую среду как свои угодья, где можно делать все, что душа пожелает. Свобода самовыражения всегда была знаменем для разного рода негодяев, ведь разбрасывание мусора – тоже своего рода акт самовыражения, однако за это вполне можно угодить в каталажку; здесь правила жесткие, и их пока никто не отменял. Порядок – вещь хрупкая; чуть что – хаос всегда рядом, буквально в двух шагах.

Сейчас в городе это особенно бросалось в глаза, за доказательствами не нужно было далеко ходить.

Беспорядки охватили целые кварталы в Южном Бронксе. Хуже всего было по ночам. Джексон постоянно ждал звонка от капитана, – звонка, который побудил бы его надеть старую форму и выехать на патрулирование улиц. Однако звонков не было. От капитана вообще не было слышно ни слова. Да и полицейская волна в основном молчала, когда бы Джексон ни включил радио в своей машине. Поэтому он просто продолжал делать то, за что ему платили деньги.

Губернатор никак не реагировал на просьбы призвать на помощь населению национальную гвардию, но ведь он был всего-навсего парнем, сидящим в Олбани, которого более всего беспокоило собственное политическое будущее. Ну хорошо, допустим, в Ираке и Афганистане по-прежнему остаются большие воинские контингенты, поэтому национальная гвардия малочисленна и недоукомплектована, но все же... Глядя на столбы черного дыма в далеком небе, Джексон подумал, что сейчас никакая помощь не была бы лишней.

Джексон имел дело с вандалами во всех пяти районах Нью-Йорка, однако ни один из них не бомбил фасады города так обильно, как Линяла. Этот тип был просто повсюду. Должно быть, днем он отсыпается, а всю ночь напролет метит стены своими граффити.

Ему сейчас должно быть пятнадцать, максимум шестнадцать, а своей ерундой он начал заниматься лет примерно с двенадцати. Как раз в этом возрасте большинство райтеров и начинают свою деятельность: развлекаются в школах, разрисовывают почтовые ящики, ну и так далее. На снимках, сделанных камерами наблюдения, лицо Линялы всегда плохо различимо – обычно он низко нахлобучивает свою бейсболку с эмблемой «Янкиз», поверх которой обязательно натягивает капюшон плотной фуфайки, а порой и вовсе разгуливает в маске-респираторе. Экипировка Линялы мало чем отличалась от обмундирования других райтеров: широкие свободные штаны с множеством карманов, рюкзак с баллонами (краска обычно – «Крилон»), высокие крепкие кроссовки.

Большинство вандалов работали группами, но только не Линяла. Он стал своего рода молодежной легендой и, казалось, совершенно безнаказанно передвигался по самым разным кварталам и окрестностям. Говорили, он всегда носит с собой целый набор ворованных мастер-ключей, в том числе универсальный ключ для открывания вагонов подземки. Его «картинки» заслуживали уважения. Типичный портрет молодого райтера таков: невысокое чувство собственного достоинства, жажда признания со стороны профессионалов, извращенное представление о славе. Никакая из этих характеристик к Линяле и близко не подходила. Его подписью был не какой-нибудь тег – обычно это кличка или повторяющийся мотив, – а стиль сам по себе. Бомбы Линялы просто выскакивали из стен. Джексон подозревал – и это подозрение, давно выйдя за рамки предчувствия, стало едва ли не уверенностью, – что Линяла страдал навязчивым неврозом, а может быть, синдромом Аспергера, если не полномасштабным аутизмом.

Джексон хорошо понимал это отчасти потому, что и сам страдал неврозом навязчивых состояний. Он таскал с собой специальный блокнот, посвященный Линяле, мало чем отличающийся от тех альбомов, которые были неременной принадлежностью райтеров, – обязательно в черном переплете, на пружине, фирмы «Каше»: они заносили туда скетчи своих бомб. Джексон был членом особого отряда из пяти офицеров полиции, созданного в рамках оперативной группы по борьбе с вандализмом, – этому отряду придумали название ПРИЗРАК (Подразделение розыска и задержания радикальных авторов картинок). В обязанности ПРИЗРАКа входило поддержание и пополнение базы данных о злостных райтерах с перекрестными ссылками на разнообразные теги, скорописные и художественные шрифты, блокбастеры, муралы и прочее; разумеется, все это с фотографиями и адресами. Люди, которые видят в граффити род «уличного искусства», обычно видят лишь ярко раскрашенные бомбы, выполненные в «диком стиле», либо буквы-пузыри на глухих стенах домов и вагонах подземки. Однако они не видят – или не хотят видеть – банды теггеров, которые протравливают витрины магазинов, соревнуясь за то, чтобы их «бомбинг» – весьма опасного характера – был замечен и должным образом оценен, либо, что гораздо чаще, метят таким образом территорию той или иной группировки, добиваясь признания собственных подписей, а заодно наводя страх на всю округу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.